с 15266.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!"

Некрасовъ.

Неотложныя нужды трудящагося народа.

Цѣна 15 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Книгоиздательство „ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ“

Н352.

Некрасовъ

НЕОТЛОЖНЫЯ НУЖДЫ

ТРУДЯЩАГОСЯ НАРОДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1906

215589

„Русская Скоропечатня“, Спб., Екатерин. кан., 94.

Н352.

Неотложныя нужды трудящагося народа.

За послѣдніе годы фабрично-заводскимъ рабочимъ жить стало особенно тяжело. Жизнь теперь гораздо дороже и труднѣе, а заработки упали. Въ города изъ деревень съ каждымъ годомъ приходитъ все больше и больше рабочаго народа—крестьянъ, которымъ въ деревнѣ нечего дѣлать, кромѣ какъ отъ голода умирать, на истощенной землѣ-матушкѣ, такъ какъ отъ одной земли не проживешь: земля родитъ хлѣбъ перестала, да и недохватка въ землѣ стала особенно отзываться на всемъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Деревенское крестьянство обнищало. Всѣ, кто только можетъ, стараются уйдти въ городъ и поступить тамъ на фабрику или на заводъ или найти какую-нибудь другую работу.

А въ городахъ и безъ того много народу, особенно же въ столицахъ. У фабричныхъ воротъ каждый день толпится множество безработныхъ. Всѣ они наперерывъ стараются перебить другъ у друга кусокъ хлѣба.

Но и на фабрикахъ и заводахъ, за нѣкоторыми исключеніями, дѣла идутъ неважно уже давно. Особенно же повредила всему Русскому государству несчастливая, ненужная и несправедливая война съ Японіей. Поэтому не даромъ говорятъ теперь и крестьяне, и рабочіе въ одинъ голосъ: «времена настали такія,—ну, хоть ложись и умирай».

Но вѣдь умирать никому не хочется. Всякій человѣкъ желаетъ жить по человѣчьи, а не по-собачьи. Вѣдь живутъ-же

хорошо люди рабочіе за границей. Ни одинъ нѣмецкій, ни одинъ французскій и даже итальянскій рабочій, не говоря уже объ англійскихъ и американскихъ, ни за что бы не согласился жить такъ, какъ живемъ мы, русскіе. Наконецъ и у насъ, русскихъ, моченьки больше не стало жить и выносить собачью жизнь. И вотъ стали мы, рабочіе, думать и гадать, какъ бы намъ найти выходъ изъ нашего тяжелаго положенія.

А чтобы найти выходъ, во-первыхъ, нужно знать и понимать, какія перемѣны должны быть сдѣланы въ нашемъ государствѣ на пользу всего трудящагося народа, а, во-вторыхъ, необходимо отыскать такіе способы и такія силы, при помощи которыхъ можно произвести эти перемѣны.

Въ этой книжкѣ и будетъ разсказано, до чего додумались мы, петербургскіе рабочіе, и какія перемѣны стали мы считать нужными и необходимыми. Мы не можемъ и не желаемъ больше жить въ омутѣ нищеты, безправія и невѣжества. Нужно же, наконецъ, облегчить и наше тяжелое житье. Есть-же выходъ изъ нашего бѣдственнаго положенія. Въ этой книжкѣ и будетъ разсказано, что именно необходимо сдѣлать для пользы всего трудящагося народа и къ тому-же сдѣлать сколь возможно скорѣе. Поэтому здѣсь и будетъ говориться лишь о самомъ неотложномъ и необходимомъ,— только о томъ, что можетъ быть сдѣлано теперь-же, и къ тому-же безъ особаго ущерба для казны и съ огромной пользой для всего рабочаго народа, а, значитъ, и для государства. То, что сказано въ этой книжкѣ, долженъ знать и понимать и помнить каждый русскій рабочій.

* *
*

Какимъ же способомъ можемъ мы выбиться, во первыхъ, изъ омута нищеты, во-вторыхъ, изъ омута безправія, въ третьихъ, изъ омута невѣжества?

Чтобы выбиться изъ омута нищеты, прежде всего нужно

вотъ что: все, что мы зарабатываемъ, всѣ плоды нашего труда, должны оставаться въ нашихъ собственныхъ карманахъ и не должны переходить въ карманы фабрикантовъ и заводчиковъ, съ великимъ ущербомъ для насъ. То, что мы зарабатываемъ, не должно безъ всякой мѣры и совѣсти идти въ казенный сундукъ. Справедливость требуетъ, чтобы весь, совершенно весь, заработокъ рабочаго человѣка принадлежалъ никому другому, какъ этому самому рабочему человѣку. Что мною заработано, то и есть моя кровная собственность, а то, что мнѣ досталось или достается безъ всякаго труда съ моей стороны, это и не должно считаться моей собственностью.

А взгляните вокругъ себя: развѣ мало есть на свѣтѣ такихъ людей, которые не жнутъ, не сѣютъ, а сыты бываютъ?

Развѣ мало такихъ, которые получаютъ доходы и съ фабрикъ, и заводовъ, и съ земли, и съ капитала, безъ всякаго труда съ своей стороны? Доходъ-то они получаютъ, а труда не знаютъ, и все таки считаютъ себя собственниками фабрикъ, заводовъ, капиталовъ и земли.

А по нашему, какіе это собственники?

Это, попросту сказать—дармоѣды. Настоящіе же собственники всего этого—тѣ самые люди, которые создали эту ихъ собственность трудами рукъ своихъ. Но чьи-же руки трудились надъ постройкой фабрикъ и заводовъ? Чьи руки землю обрабатывали? Чьи руки создавали всѣ богатства, какія только есть на землѣ? Разумѣется, руки трудящагося народа, то есть крестьянъ и фабрично-заводскихъ и разныхъ другихъ рабочихъ. Всѣ богатства, какія только есть на землѣ, созданы трудящимся народомъ.

Значитъ, народъ и долженъ быть настоящимъ собственникомъ всѣхъ этихъ богатствъ, т. е. и фабрикъ, и заводовъ, и желѣзныхъ дорогъ, и пароходовъ, и рудниковъ, и капиталовъ, и всего прочаго, къ чему только приложены силы труда и мысли человѣческой.

Всѣ эти богатства—собственность всенародная. И не какого-нибудь отдѣльнаго человѣка, а всѣхъ трудящихся людей, всѣхъ вмѣстѣ. Значитъ, всѣ эти богатства не должны быть собственностью частною, а должны перейти въ общее владѣніе всего народа, то есть стать собственностью общественной, всенародной, а не частною. Это и есть настоящая справедливость, настоящая правда.

Значитъ, совершенно несправедливо и неправильно, что всѣ богатства, созданныя трудомъ человѣческихъ рукъ, считаются теперь частной собственностью. Вотъ отъ этого-то самаго и происходитъ главная обида и несчастье трудящагося народа. Отъ него отнято то самое, что принадлежитъ по всей правдѣ именно ему, трудящемуся народу. Частная собственность стоитъ поперекъ дороги всенародному счастью. Каждый день и на каждомъ шагу совершаются, благодаря ей, всякія несправедливости, и большія, и малыя. Благодаря ей-то и уходитъ изъ кармана рабочаго человѣка то, что заработано этимъ самымъ человѣкомъ, будь онъ фабрично-заводскій мастеровой или крестьянинъ.

Дѣлается это такимъ способомъ.

Возьмемъ, напримѣръ, крестьянина, у котораго мало земли, и который поневолѣ долженъ арендовать помѣщичью землю. Приходитъ такой крестьянинъ къ богачу помѣщику, живущему въ каменныхъ палатахъ, и проситъ землицы въ аренду. Тотъ говоритъ просителю: «хорошо, я дамъ тебѣ земли, коли ты мнѣ будешь платить за это хорошія деньги».— «Смилуйся»—проситъ крестьянинъ, который весь вѣкъ обрабатываетъ землю своими руками. «Или бери землю за мою цѣну, или я тебѣ совсѣмъ не дамъ земли, отвѣчаетъ помѣщикъ—на то я и собственникъ этой земли». Что-же остается дѣлать крестьянину? Только и остается, что работать на собственника. И крестьяне работаютъ, а въ это самое время собственники живутъ да поживаютъ и добро наживаютъ, вовсе не работая. Значитъ, и выходитъ такъ: частный собственникъ

имѣетъ право и возможность обижать рабочаго человѣка и отнимать у того въ свою пользу частичку его заработка.

То-же самое бываетъ и на фабрикахъ, и заводахъ. Фабрикантъ-заводчикъ тоже говоритъ рабочему-фабричному: «или работай у меня по моей цѣнѣ, или убирайся вонъ,—вѣдь у фабричныхъ воротъ много такихъ, какъ ты». Вотъ и приходится рабочему человѣку волей-неволей работать на фабриканта. А благодаря этому—фабрикантъ оставляетъ въ свою пользу, изъ заработка каждаго своего рабочаго, каждый день по нѣсколько копѣечекъ. А изъ этихъ копѣечекъ складываются не только рубли, но и тысячи рублей, и сотни тысячъ, и даже милліоны. А на эти милліоны покупаются при случаѣ и государственныя процентныя бумаги. А проценты по этимъ бумагамъ выплачиваетъ казна, а деньги для уплаты процентовъ собираются казной съ того-же рабочаго народа. На доходы съ процентныхъ бумагъ живетъ множество богатыхъ людей, и живетъ припѣваючи, никогда не работая. И выходитъ въ концѣ концовъ такъ, что рабочій человѣкъ за всѣхъ отдувается, и за помѣщиковъ, и за фабрикантовъ, и за заводчиковъ, и за капиталистовъ-богачей. Всѣмъ имъ частная собственность даетъ возможность и право—ѣздить на спинѣ рабочаго человѣка. И всегда она будетъ дѣлать это несправедливое и возмутительное дѣло, до тѣхъ самыхъ поръ, пока сама не исчезнетъ съ лица земли. Въ этомъ и есть самый корень той великой несправедливости, отъ которой теперь такъ страдаетъ рабочій народъ. Значитъ, только тогда окончатся всѣ его страданія, когда всѣ богатства, какія только есть на землѣ, перестанутъ быть частной собственностью, а сдѣлаются собственностью всенародной, общественной, и когда ими будутъ завѣдывать не частные собственники-владѣльцы, каждый за себя, а самъ трудящійся народъ, черезъ своихъ выборныхъ представителей. Только тогда весь заработокъ рабочаго человѣка дѣйствительно будетъ оставаться въ его собственномъ карманѣ.

Вѣдь тогда самъ народъ будетъ и работникомъ, и владѣльцемъ всѣхъ богатствъ,—значитъ, и вся прибыль будетъ его, а не отдѣльныхъ хозяевъ. Значитъ, всѣ мы, рабочіе люди, деревенскіе и городскіе, крестьяне и мастеровые, должны добиваться вотъ чего: перехода всей частной собственности въ собственность общественную. Собственность общественная—это и значитъ собственность «соціальная» (отъ иностраннаго слова «соціаль»). Люди, которые добиваются перехода частной собственности въ соціальную, или общественную собственность, называются соціалистами. Значитъ, соціалисты—это такіе люди, которые добиваются такихъ перемѣнъ въ общественномъ устройствѣ, какія необходимы для счастья всего трудящагося народа.

Разумѣется, такія перемѣны не дѣлаются сразу, потому что всѣ частные собственники, живущіе на народный счетъ,—люди богатые и властные. Они всячески мѣшаютъ наступленію такихъ перемѣнъ. И все-таки, не смотря на всѣхъ ихъ помѣхи, трудящійся народъ во многихъ странахъ и государствахъ успѣлъ уже добиться многаго въ свою пользу. Рабочій народъ вѣдь уже знаетъ теперь, какъ и почему онъ можетъ добиться своего счастья. Вѣдь дорожка къ счастливой жизни уже извѣстна. Только и остается идти по ней шагъ за шагомъ. Поэтому рабочій народъ долженъ добиваться цѣлаго ряда разныхъ перемѣнъ въ государственномъ и общественномъ устройствѣ.

И всѣ эти перемѣны, и мелкія и крупныя должны служить именно на пользу трудящагося народа. Изъ мелкихъ перемѣнъ слагаются крупныя, подобно тому, какъ изъ отдѣльныхъ кирпичей складываются цѣлые дома. Но мы понимаемъ, что врядъ-ли вся частная собственность теперь-же можетъ быть передѣлана въ собственность общественную.

Вѣдь произвести такую великую и важную перемѣну сразу—дѣло врядъ-ли возможное. Поэтому въ этой книжкѣ и будетъ разсказано только о второстепенныхъ и третьестепен-

ныхъ перемѣнахъ, но зато такихъ, которыя, могутъ быть сдѣланы теперь-же, и которыя разными путями способствуетъ скорѣйшему наступленію нашего грядущаго счастья.

* * *

Въ настоящее время частные собственники, фабриканты, заводчики, помѣщики, капиталисты каждый день и каждый часъ перекладываютъ нашъ заработокъ въ свои собственные карманы. Дѣлаютъ это они явными и тайными способами. Съ этимъ необходимо бороться, и начать борьбу теперь же, безъ всякаго промедленія. Заводчики и фабриканты накладываютъ на рабочихъ штрафы, обижаютъ ихъ при разсчетахъ. Они любятъ разсчитываться и за хорошую работу кое-какъ, на томъ основаніи, что это-де «не работа, а бракъ». Хозяева на каждомъ шагу заставляютъ насъ, рабочихъ, работать по низкимъ расцѣнкамъ, а эти расцѣнки они сочиняютъ одной собственной властью, насъ, рабочихъ, о нихъ вовсе не спрашиваютъ. Но развѣ низкая расцѣнка нашей работы по волѣ конторы— не тотъ-же грабежъ? Фабриканты говорятъ намъ: «или работайте по нашей цѣнѣ, или проваливайте». А куда же намъ идти? Развѣ что съ голоду умирать. Такъ съ нами разговаривать—это тоже, что изъ нашихъ кармановъ деньги вытаскивать. А мы, рабочіе, волей-неволей соглашаемся на низкую плату; а благодаря ей въ карманахъ у фабрикантовъ, какъ уже было сказано, и копятся, да копятся копѣечки, да рубли, намъ недоданные. И жадности хозяйской конца-края нѣтъ. Мы бѣднѣемъ, а хозяева на нашъ счетъ богатѣютъ. Какъ же намъ не жить въ омутѣ нищеты, при такихъ порядкахъ? Потому мы и говорили, что нужно какъ нибудь обуздать эту хозяйскую жадность. А для этого уже давно придуманъ такой способъ: расцѣнки должны устанавливаться не одними фабрикантами, а непремѣнно вмѣстѣ съ нами, рабочими, т. е. съ нашими вы-

борными депутатами. На каждой фабрикѣ долженъ существовать особый Совѣтъ, въ которомъ засѣдали бы представители отъ рабочихъ и отъ фабрикантовъ. Этотъ Совѣтъ долженъ обсуждать всякіе споры, всякія жалобы, всякія недоразумѣнія между хозяевами и рабочими. На этомъ Совѣтѣ выборные депутаты отъ рабочихъ должны защищать всякую трудовую копѣйку, заработанную рабочимъ человѣкомъ, и отвоевывать ее отъ жадности хозяевъ.

Если будутъ устроены такіе Совѣты, много трудовыхъ копѣекъ останется въ рабочемъ карманѣ. Правда, не всѣ еще останутся, потому что частная собственность еще не отмѣнена, но все же многія останутся.

* * *

Но мы бѣдпѣемъ не только по винѣ нашихъ хозяевъ. Насъ грабитъ и казна-матушка, и къ тому же очень хитрымъ и незамѣтнымъ способомъ. Она все обложила высокими налогами,—и землю, и промыслы, и всякіе необходимые припасы, продукты, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ человѣкъ, даже самый бѣдный. Она обложила чай, сахаръ, керосинъ, табакъ, вино и многое другое. Возьмемъ, напримѣръ, вино. Винному заводчику казна платитъ за ведро спирту всего лишь одинъ рубль съ копѣйками. Заводчики отъ этого получаютъ хорошую выгоду. Теперь, по закону, они обязаны продавать спиртъ только казнѣ. Казна приготовляетъ изъ спирту водку. Для этого просто-напросто разбавляютъ спиртъ водой. Изъ ведра спирта выходитъ больше двухъ ведеръ водки. Казна продаетъ водку по 7 руб. 60 коп, за ведро, т. е. по 15 руб. 20 коп. за два ведра водки, которыя выходятъ изъ одного ведра спирта. Значитъ, казна получаетъ больше 15 руб. за то, что ей обошлось 1 руб. съ небольшимъ. Значитъ, покупая водку, мы, рабочіе, изъ каждыхъ 15 руб. переплачиваемъ 14 руб. въ пользу казны. Иначе сказать, казна тайнымъ способомъ отнимаетъ у насъ эти деньги въ свою пользу. То-же са-

мое казна дѣлаетъ и съ чаемъ, и съ сахаромъ, и съ керосиномъ, и съ табакомъ, и со спичками.

Напримѣръ, каждый пудъ керосина обложенъ теперь 60 копѣйками, т. е. на каждый фунтъ керосина приходится по полторы копѣйки въ пользу казны. Съ каждой пачки спичекъ 5 копѣекъ идетъ въ пользу казны. Съ каждаго пуда сахара туда же идетъ 1 руб. 75 коп. Всѣ эти казенные налоги, которые наложены на товары, казна получаетъ съ заводчиковъ и фабрикантовъ этихъ товаровъ, а тѣ перекладываютъ ихъ съ лихвой на купцовъ, а купцы и мелочные торговцы перекладываютъ ихъ на насъ. Значитъ, казна такимъ способомъ получаетъ свой доходъ, въ концѣ концовъ, съ насъ же, покупателей, хотя и не прямо, а косвенно. Потому всѣ налоги на продукты, или на предметы потребленія, или пользованія, называются **косвенными** налогами. Это самые несправедливые и тяжелые налоги, потому что они падаютъ въ одинаковой мѣрѣ на всякаго покупателя, будь онъ богатый или бѣдный; съѣдаютъ то всѣ люди одинаково, а платить то имъ не одинаково легко,—кто купилъ фунтъ сахару, тотъ и долженъ платить налогъ, наложенный казной на каждый фунтъ. А вѣдь каждая копѣйка для бѣдняка значитъ гораздо болѣе, чѣмъ для богача. Значитъ, отъ косвенныхъ налоговъ приходится гораздо тяжелѣе бѣднякамъ. Большою тяжестью падаютъ на народъ пошлины, которыми обложены всѣ заграничные товары. Эти пошлины взимаются при перевозкѣ товаровъ черезъ границу и называются **таможенными пошлинами**. Благодаря этимъ таможеннымъ пошлинамъ, дорожаютъ всѣ привозные товары. И не только привозные, но и здѣшніе. Вѣдь всякій заводчикъ или фабрикантъ радъ всякому случаю, чтобы поднять цѣну на свои издѣлія. Высокія таможенныя пошлины помогаютъ ему продавать дороже и свой товаръ,—почти по цѣнѣ заграничной.

А казна къ тому же накладываетъ на многіе заграничные товары даже очень высокія пошлины, какъ разъ для того,

чтобы поддержать такимъ способомъ русскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Благодаря этому, дорожаютъ и привозныя и и русскія издѣлія. Значитъ, трудящійся народъ переплачиваетъ, по винѣ казны и въ ея пользу, за разные продукты, привозные и русскіе, ежегодно многіе милліоны рублей. Особенно большой пошлиной обложены машины и чугунъ.

Въ Германіи, напримѣръ, пудъ чугуна стоитъ 45 коп., въ Англіи даже 36 коп., а въ Россіи, среднимъ числомъ за десятилѣтіе 1890—1900 годъ, пудъ чугуна стоилъ 1 руб. 4 коп.

По «Росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ за 1905 годъ» казной было рѣшено взять съ народа налогами на сахаръ 79 милліоновъ рублей. На табакъ 48 милліоновъ рублей, на керосинъ 34 милліона, на спички 8 милліоновъ, на водку 550 милліоновъ и таможенными пошлинами 205 милліоновъ. Нечего сказать—хитрая механика.

* * *

Разныхъ косвенныхъ налоговъ казна собираетъ съ народа больше 1000 милліоновъ рублей ежегодно. И на всѣ эти огромныя деньги казна, разумѣется, удорожаетъ жизнь рабочаго человѣка, потому что намъ, рабочимъ, приходится платить за все гораздо дороже, чѣмъ нужно.

Поэтому мы и требуемъ, чтобы всѣ косвенные налоги были совсѣмъ отмѣнены.

* * *

Но вѣдь для потребности государства нужны деньги, и даже очень большія деньги. Откуда ихъ взять? Казна должна собирать деньги въ свою пользу только самымъ справедливымъ способомъ,—такъ, чтобы отъ этого не страдалъ ни одинъ бѣднякъ, а значитъ, чтобы не страдали и мы, рабочіе. Но можно ли такъ сдѣлать? И можно, и должно, и вотъ какимъ способомъ: вся тяжесть налоговъ должна ложиться не на бѣдняковъ, а, на богачей: кто получаетъ больше дохода, тотъ

больше и плати. Налогъ съ дохода — это самый правильный налогъ. Этотъ налогъ берется не съ души, и не съ продуктовъ, а съ достатку, т. е. съ богатства. Много получаешь дохода — много и плати, мало получаешь дохода — мало и плати. Это и есть равненіе по справедливости. Такіе-то налоги съ дохода и называются подоходными налогами. Это налоги дѣйствительно справедливые и безобидные. Поэтому мы, рабочіе, и требуемъ, чтобы косвенные налоги, т. е. налоги на продукты, были замѣнены подоходнымъ налогомъ. Но и подоходный налогъ еще недостаточенъ. Для пользы трудящагося народа, а, значитъ, и всего государства, необходимъ не простой подоходный налогъ, а прогрессивный. Облагать доходы прогрессивно — это значитъ облагать ихъ такъ: чѣмъ больше дохода, тѣмъ сильнѣе обложеніе. Вѣдь несправедливо брать одинаковый налогъ съ каждаго рубля дохода, кто-бы столъ рубль ни получалъ — человѣкъ богатый или бѣдный. Вѣдь бѣднякъ каждый рубль дороже, чѣмъ богачу. А коли такъ, то бѣднякъ долженъ платить съ каждаго рубля своего дохода гораздо меньше, чѣмъ богачъ. Напримѣръ, если бѣднякъ платитъ копѣйку, то богачъ долженъ платить съ каждаго рубля своего дохода двѣ или три копѣйки, а, не одну, а тотъ, кто еще богаче, долженъ платить съ каждаго рубля своего дохода и не одну, и даже не двѣ, и не три копѣйки, а, напримѣръ, цѣлый пятачекъ. Коли ты богаче вдвое, плати въ казну не въ два раза больше, а въ дважды два; если ты богаче втрое, плати въ казну не въ три, а въ трижды три раза больше. Вѣдь для богача гораздо легче заплатить девять рублей, чѣмъ для бѣдняка заплатить 30 копѣекъ. Значитъ, одинъ богачъ внесетъ такимъ способомъ сразу за 30 бѣдняковъ. Вотъ что такое прогрессивный подоходный налогъ. Это самый справедливый и правильный изъ всѣхъ налоговъ. Кромѣ того, тамъ, гдѣ введенъ такой налогъ, люди, получающіе въ годъ очень мало дохода, напримѣръ, 300—400 рублей, совсѣмъ свобождаются отъ этого налога, и

не платятъ его въ казну. Значитъ, тамъ, гдѣ заведенъ подоходный прогрессивный налогъ, всю его тяжесть несутъ богачи, да и для нихъ эта тяжесть вовсе не чувствительна. При такомъ устройствѣ налоговъ никому не бываетъ тяжело отъ нихъ, и никому эти налоги не мѣшаютъ жить безбѣдно.

Потому мы, рабочіе, и требуемъ, чтобы во всемъ русскомъ государствѣ всѣ косвенные налоги были отмѣнены, а вмѣсто нихъ заведенъ одинъ прогрессивный подоходный налогъ. Такимъ способомъ доходъ казны не уменьшится, а, кромѣ того, подешевѣютъ всѣ продукты, необходимые для жизни, и безъ которыхъ мы, рабочіе, тоже не можемъ обойтись.

Какъ уже было сказано, нашей безбѣдной жизни сильно мѣшаютъ низкія расцѣнки. Но можно ли ихъ повысить? Фабриканты и заводчики говорятъ, что нельзя, да и не сдѣдуетъ, потому что «такихъ, какъ ты, много у фабричныхъ воротъ стоитъ». И правда, безработному достать работу куда не легко. Оттого и цѣны на рабочія руки сильно сбиваются. А сбиваются они потому, что насъ, рабочихъ, гонитъ въ городъ, на фабрики бѣдность деревенская. Всякій знаетъ, что по нынѣшнимъ временамъ, во всѣхъ губерніяхъ, за самыми немногими исключеніями, жить безбѣдно еще труднѣе, чѣмъ въ городѣ. Больше всего мѣшаетъ этому земельная тѣснота, недохватка земли. Отъ двухъ-трехъ десятинъ безбѣдно не прожить крестьянину. Еще мѣшаютъ безбѣдной жизни большіе платежи, которые лежатъ на крестьянской землѣ. Тяжелѣе всего приходится бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ. Въ 1861 году царь Александъ II освободилъ крестьянъ отъ помѣщиковъ и велѣлъ помѣщикамъ нарѣзать освобожденнымъ крестьянамъ земли въ надѣлъ. Часть помѣщичьей земли отошла, такимъ способомъ, къ крестьянамъ. Но все же въ крестьянскихъ рукахъ до 1861 года находилось больше земли, чѣмъ послѣ ихъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости *). Часть этой земли помѣщики разны-

*) Напримѣръ, въ губерніяхъ: Казанской, Воронежской, Са-

ми способами оставили у себя и не захотѣли отдавать ее крестьянамъ.

Иные помѣщики очень скудно надѣлили крестьянъ землей, иные отвели имъ безплатно по ничтожному клочку земли, а всю прочую оставили за собой. Словомъ сказать, послѣ «освобожденія» у крестьянъ въ рукахъ гораздо меньше земли, чѣмъ было прежде. Разумѣется, это не могло не повредить крестьянскому благополучію. Но и это еще не все. Надѣльную землю крестьяне должны были выкупать отъ помѣщиковъ, т. е. платить имъ деньги по особой земельной оцѣнкѣ. Оцѣнивали землю не крестьяне, а чиновники и помѣщики. Вышло такъ, что надѣльная земля, отведенная крестьянамъ, была оцѣнена гораздо дороже, чѣмъ сколько она стоитъ. Вся земля, которая перешла къ крестьянамъ въ 1861 году, стоила меньше 600 милліоновъ рублей. И вотъ за эту самую землю помѣщичьи крестьяне принуждены были заплатить ея собственникамъ не 600, а 867 милліоновъ руб., т. е. почти въ полтора раза больше. Въ концѣ концовъ и вышло такъ, что помѣщики да чиновники, среди которыхъ было не мало взяточниковъ, расцѣнили надѣльную землю не въ пользу крестьянъ, а въ пользу помѣщиковъ. Случалось очень нерѣдко, что такой высокой расцѣнки надѣльная крестьянская земля и вынести не могла. Такимъ способомъ, освобожденные помѣщичьи крестьяне сразу запутались въ долгахъ, а значитъ, попали въ кабалу. Дѣло было такъ: помѣщики пожелали получить съ крестьянъ сразу всѣ деньги. Разумѣется, у крестьянъ такихъ большихъ денегъ не было. Тогда, царь Александръ II сдѣлалъ такъ: онъ велѣлъ казнѣ

ратовской, Псковской, Новгородской и Симбирской до 1861 года (т. е. до освобожденія) у крестьянъ было 5,986,000 десятинъ (почти 6 милліоновъ), а отошло къ крестьянамъ отъ помѣщиковъ всего лишь 4,786,000 десятинъ. Значитъ, одни только крестьяне этихъ губерній лишились 202,000 десятинъ земли. А сколько же десятинъ они лишились во всей Россіи?

выплатить помѣщикамъ всѣ деньги, какія приходились на ихъ долю, а крестьянъ заставилъ выплачивать эти деньги казнѣ въ разсрочку на 49 съ половиной лѣтъ. За такую разсрочку казна наложила на крестьянъ пять процентовъ годовыхъ въ свою пользу, да, кромѣ того, одинъ процентъ стала отчислять въ погашеніе долга за надѣльную землю. Такимъ способомъ, на крестьянъ сразу легли огромные платежи — и платежъ процентовъ за разсрочку, и платежъ за землю, оцѣненную очень высоко. Такіе высокіе платежи совсѣмъ придавили крестьянъ. Крестьянское хозяйство не въ силахъ было вынести ихъ. Иначе говоря, крѣпостная зависимость исчезла, а на мѣсто ея появилась денежная кабала. За свою землю бывшіе помѣщичьи крестьяне платятъ и до сихъ поръ. Послѣ 1861 года прошло уже 45 лѣтъ. И до сихъ поръ крестьяне все еще не въ силахъ были выплатить казнѣ своихъ долговъ за землю. А за это самое время они заплатили казнѣ однихъ процентовъ въ нѣсколько разъ больше того, что стоитъ ихъ надѣльная земля. Значитъ, эти несправедливые и излишніе платежи оказались для крестьянъ вродѣ какъ особымъ способомъ выжиманія крестьянскаго сока. За крестьянами накопились огромныя недоимки. Иногда онѣ складывались по царскимъ манифестамъ, иногда разсрочивались, и всетаки имъ конца края нѣтъ и не было.

Деньги, которыя крестьяне платили и платятъ за надѣльную землю, вмѣстѣ съ процентами за разсрочку — это и называется выкупными платежами..

Большой выкупъ былъ наложенъ казной и на крестьянъ удѣльныхъ. Удѣльныя земли—это значитъ земли, принадлежащія царствующему дому Романовыхъ. Подобно этому должны были платить выкупъ и тѣ крестьяне, которые жили на земляхъ кабинетскихъ, т. е. на земляхъ, составлявшихъ собственность самого государя. Царь и его семейство получили отъ казны за тѣ земли, которыя отошли отъ нихъ къ крестьянамъ, 48 съ половиною милліоновъ рублей.

Въ 1887 году правительство (казна) нашла для себя еще одинъ способъ дохода. Она заставила выкупать землю не только бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, но и крестьянъ государственныхъ, словно и они были помѣщичьими. Государственные крестьне теперь тоже платятъ выкупные платежи.

Такъ совершилось явно несправедливое дѣло. И правда, —помѣщики, у которыхъ выкупали бывшіе крѣпостные крестьяне, какъ никакъ, а были частные собственники этой земли. Получивъ хорошія деньги за свою землю, они поживились отъ крестьянъ, какъ собственники. Но у кого же выкупаютъ свою землю государственные крестьяне? Вѣдь государственная земля есть достояніе всего государства, а что это значитъ: «земля принадлежитъ государству»—это значитъ—земля принадлежитъ всему народу. Значитъ, выходитъ такъ, что государственные крестьяне, т. е. самъ народъ, выкупаетъ землю у государства, т. е. у самого себя. Гдѣ же тутъ справедливость?

* * *

Но почему же тогда правительство заставило государственныхъ крестьянъ выкупать землю? Сдѣлало оно такъ потому, что ему просто-напросто нужно какъ-нибудь получать побольше дохода съ народа. А деньги, которыя собираются казной съ народа, далеко не всегда (и даже очень рѣдко) идутъ на всю народную пользу—ими распоряжается самовольно и самовластно само правительство. Оно издавна привыкло смотрѣть на народъ, вродѣ какъ иноземный завоеватель смотритъ на побѣжденныхъ враговъ. Правительство наше давнымъ-давно забыло, что настоящимъ-то и полнымъ хозяиномъ русскаго государства долженъ быть самъ трудящійся народъ. Такимъ хозяиномъ государства правительство наше издавна считаетъ самого себя, и только себя. Потому оно и посмотрѣло на государственныхъ крестьянъ

вродѣ того, какъ помѣщикъ-собственникъ смотрѣлъ на своихъ крѣпостныхъ: тѣ должны были выкупаться отъ помѣщика и въ его пользу, а государственныхъ крестьянъ казна заставила выкупаться отъ себя и въ свою пользу. Такимъ способомъ, она собрала многія сотни милліоновъ и съ государственныхъ крестьянъ. И они платятъ выкупные платежи до до сихъ поръ. Эти платежи сильно помогли раззоренію крестьянскаго хозяйства.

Выкупные платежи государственныхъ крестьянъ несправедливы. Точно также несправедливы и выкупные платежи крестьянъ помѣщичьихъ, и вотъ почему.

Откуда появились въ Русской землѣ помѣщики? Ихъ насадили по всему государству русскіе самодержавные цари. Они объявили всю землю своею собственностью и стали раздавать ее разнымъ людямъ. Сначала они раздавали ее за военную службу государству и за особыя заслуги. Кто служилъ государству, тотъ и получалъ землю вмѣсто жалованья. Сначала цари раздавали землю только на время: пока помѣщикъ служилъ, земля считалась за нимъ, а пересталъ служить—и земля отбиралась отъ него. Прошло время, и цари стали раздавать помѣщикамъ землю пожизненно, а не только на время службы. Прошло еще время, и они стали просто-напросто дарить землю помѣщикамъ, дарить ее имъ въ полную собственность. Такимъ способомъ, вся государственная земля, когда-то принадлежавшая всему русскому народу, сдѣлалась собственностью царской, а, благодаря царямъ, добрая половина земли сдѣлалась собственностью помѣщичьей, т. е. частной собственностью. Такъ государственная народная земля перестала быть всенародной. Ее захватили въ свои руки частные владѣльцы. Они стали ее продавать и перепродавать и по наслѣдству передавать. Сначала они распоряжались такъ землею, не трогая крестьянъ, которые жили на ней, и которые воздѣлывали ее своими руками. Но прошло время, и помѣщики, и цари стали распо-

ряжаться не только землей, но и крестьянами, которые на ней жили и обработывали ее своими руками, словно крестьяне были живымъ инвентаремъ помѣстій. Такимъ способомъ помѣщики стали хозяевами—собственниками, а земля и крестьяне, которые на ней жили, стали частной собственностью, а попросту сказать, рабами-крѣпостными. Такъ совершилась великая несправедливость: человѣкъ осѣдлалъ человѣка, словно какую-то ломовую лошадь. Совершилось великое насиліе и великій обманъ, отъ котораго трудящійся народъ страдаетъ до сего времени. И вотъ этихъ-то самыхъ обиженныхъ и закабаленныхъ крестьянъ, тѣ же самые самодержавные цари и заставили въ 1861 году выкупаться у помѣщиковъ! Но за что же выкупаться и за выкупъ проценты платить? Неужели это не грабежъ среди бѣлаго дня? А коли такъ, то, значитъ, и помѣщичьи крестьяне вовсе не должны бы были платить за надѣльную землю никакого выкупа. И правда: помѣщики появились въ Русской землѣ по причинѣ несправедливости. Но правительство и не подумало даже выкупать крестьянскую землю за свой или за царскій счетъ,—оно заставило выкупать ее все тѣхъ же крестьянъ: значитъ, выкупные платежи, собираемые съ бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ, великая и тяжелая несправедливость. Потому мы, рабочіе, и требуемъ, чтобы тяжесть выкупныхъ платежей теперь же была совершенно сложена со всѣхъ крестьянъ, чтобы они отъ этихъ платежей не бѣднѣли, и чтобы тотъ, у кого есть надѣльная земля, не мыкался по фабрикамъ и заводамъ за кусокъ хлѣба, и не отбивалъ бы его отъ насъ, рабочихъ.

Въ ноябрѣ этого года появился особый царскій манифестъ о выкупныхъ платежахъ. Но уважены ли этимъ манифестомъ наше требованіе и всеобщее желаніе трудящагося народа о сложеніи выкупныхъ платежей? Не очень-то. Они хоть и сложены съ крестьянъ, да лишь на половину, и только черезъ годъ будутъ уничтожены оконча-

тельно. Значитъ, еще цѣлый годъ будутъ они собираться съ народа, хотя и въ уменьшенномъ размѣрѣ. Справедливо ли это? И можемъ ли мы, трудящійся народъ, рабочіе и крестьяне, оставаться этимъ довольны? Разумѣется, нѣтъ. Вѣдь всякій рубль этихъ проклятыхъ выкупныхъ платежей берется казной изъ нашего кармана несправедливо и неправильно. Онъ отнимается у насъ, можно сказать, почти силкомъ. Мы платимъ то, что не должны бы вовсе платить. Мы и заплатили то, что не должны были бы платить. Мы не желаемъ больше терпѣть этой великой несправедливости. Поэтому нужно бы не только совершенно отмѣнить всѣ выкупные платежи, а и возвратить всѣ деньги, собранныя такимъ способомъ съ народа несправедливо. Мы должны требовать, несмотря на новый манифестъ, сложенія выкупныхъ платежей немедленно. Правительство, собиравшее совсѣмъ ненужный выкупъ съ народа въ теченіе 45 лѣтъ, должно бы было возвратить эти деньги тому самому народу, съ котораго оно собрало ихъ. Всѣ эти деньги слѣдовало бы записать за казной подъ видомъ ея долга народу. Но вѣдь казенныя деньги—деньги, собираемыя съ того же народа: значитъ, съ казны получать,—то же, что съ народа собирать. Значитъ, этихъ денегъ получить народу ужъ не придется,—надо было раньше смотрѣть за казною въ оба. За 45 лѣтъ казна собрала съ однихъ помѣщичьихъ крестьянъ больше 1500 милліоновъ рублей. Это цѣлая гора золота. И еще какого золота,—политаго народнымъ потомъ, народными слезами и даже кровью!

* * *

Но сложить со всѣхъ крестьянъ всѣ выкупные платежи и даже вернуть ихъ народу,—это еще не все, что нужно сдѣлать для того, чтобы уничтожить бѣдность деревенскую. Такимъ способомъ ее не уничтожишь и земельной тѣсноты не убавишь. А вотъ въ этой самой тѣснотѣ самый корень

дѣла и есть. Отъ крестьянскаго малоземелья страдаетъ не одно только крестьянство, а и весь трудящійся народъ и все Русское государство. Вѣдь въ Россіи насчитывается крестьянъ около 90 милліоновъ человѣкъ. Въ Россіи больше всего крестьянъ. Не даромъ Россія и называется крестьянскимъ царствомъ.

Кромѣ крестьянъ насчитывается около 10 милліоновъ фабрично-заводскихъ и другихъ рабочихъ, изъ которыхъ многіе—тѣ же крестьяне, уходящіе на заработки. На нихъ да на крестьянахъ и держится все государство. Коли бѣденъ трудящійся народъ, то есть крестьяне и рабочіе,—значитъ, бѣдно и государство. Коли разбогатѣетъ трудящійся народъ,—значитъ, будетъ богато и государство. Крестьяне живутъ отъ земли. Значитъ, чтобы они могли жить маломальски безбѣдно, у нихъ должно быть достаточное количество земли. Поэтому необходимо имъ дать возможно больше земли. Не даромъ говорится: «въ землѣ крестьянское богатство и крестьянская сила».

Но откуда же взять земли? Быть можетъ, народу теперь народилось такъ много, что на всѣхъ пахарей и не хватитъ земли. Это совершенно невѣрно *). Коли разверстать землю правильно и по всей справедливости, то ея на всѣхъ пахарей хватитъ. Въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи, не считая Сибири и Кавказа имѣется 160 съ половиною милліоновъ десятинъ удобной казенной земли, да 7 съ половиной милліоновъ десятинъ земли удѣльной, принадлежащей царствующему дому Романовыхъ, да кромѣ того 91 милліонъ дес. земли, принадлежащей частнымъ владѣльцамъ-помѣщикамъ, среди которыхъ больше всего дворянъ, да, кромѣ того, много земель кабинетскихъ, т. е. самого царя. Въ Россіи считается те-

*) Объ этомъ говорится въ особой книжкѣ, которая называется „Хватитъ ли на всѣхъ земли, если разверстать ее справедливо?“ Цѣна 2 коп.

перь около 480 тысячъ частныхъ владѣльцевъ-помѣщиковъ. На каждаго помѣщика приходится на кругъ по 190 десятинъ земли. А на каждаго крестьянина приходится на кругъ меньше 2 десятинъ. Помѣщики не обработываютъ землю своими руками, а у нихъ то земли и много. Крестьяне ее обрабатываютъ своими руками, и другихъ кормятъ,—а у нихъ то ея и мало. Развѣ это справедливо?

Если крестьянамъ отдать одну только казенную да удѣльную и кабинетскую землю, даже не трогая помѣщичьей, и то крестьяне сдѣлаются гораздо богаче, чѣмъ теперь. Значитъ, земля-то и теперь есть, только она не тѣхъ, у кого ей бы слѣдовало быть. Значитъ, самое главное крестьянское зло въ томъ, что земля несправедливо распредѣлена, разверстана,—несправедливо, невыгодно для трудящагося народа. Значитъ, для блага крестьянъ и для блага насъ, рабочихъ, прежде всего необходимо распредѣлить землю справедливо правильно.

А это значитъ вотъ что: землею долженъ пользоваться только тотъ, кто ее своими руками обрабатываетъ, (т. е. трудится надъ ней со своимъ семействомъ, безъ наемныхъ рабочихъ), и пока онъ ее такъ обрабатываетъ, а пересталъ самъ на ней работать,—и пусть тогда ее беретъ какой нибудь другой работникъ, лишь-бы онъ на ней работалъ самъ и своими руками или руками своей семьи. Коли твой собственный сынъ захочетъ по твоему примѣру землю обрабатывать,—передавай ее собственному сыну; а если сынъ не захочетъ быть пахаремъ,—передай ее кому нибудь другому, лишь бы тотъ былъ самъ пахарь. Держать наемныхъ рабочихъ или сдавать землю въ аренду—дѣло несправедливое, потому что это значитъ жить не отъ собственнаго, а отъ чужого труда, это значитъ, ничего не дѣлая доходъ получать отъ земли, какъ отъ частной собственности, а вотъ эта самая частная собственность и есть самое главное зло для трудящагося человѣка.

Вѣдь благодаря ей-то, какъ уже было сказано, и полу-

чаютъ доходъ разные дармоѣды, которые живутъ на рабочей шеѣ, ничего не дѣлая. Развѣ земля для того и создана, чтобы быть собственностью дармоѣдовъ и вѣрнымъ способомъ народной кабалы? Земля, какъ и вода, какъ и воздухъ, и солнечный свѣтъ, и тепло, должна быть общимъ достояніемъ, такъ чтобы ею могли пользоваться всѣ трудящіеся люди на совершенно разныхъ правахъ. Земля не должна быть частной собственностью. Она должна быть собственностью общественной, всенародной, а пользоваться ею долженъ только тотъ, кто на ней самъ работаетъ. Потому мы, петербургскіе рабочіе, и писали въ нашемъ прошеніи, что вся земля должна быть немедленно передана въ пользованіе трудящагося народа.

Всякій человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, долженъ имѣть право получить въ свое пользованіе такой кусокъ земли, какой онъ сможетъ самъ обработать, и получить ее не въ собственность, а во временное пользованіе,—но отнюдь не для того, чтобы продавать землю, или сдавать ее въ аренду, а чтобы трудиться на ней всѣмъ семействомъ. Нельзя никого лишать такого права. Оно необходимо не только для улучшенія крестьянской жизни, но и потому, что многіе изъ насъ фабрично-заводскихъ рабочихъ,—тѣ-же крестьяне. Многихъ изъ насъ пригнали на фабрики бѣдность и малоземелье деревенское, да мужицкая кабала. Отъ малоземелья, да отъ непомѣрныхъ платежей житья нѣтъ въ деревнѣ. Многіе крестьяне, по своей бѣдности, совсѣмъ не въ силахъ вести своего хозяйства. Они должны поневолѣ арендовать помѣщичью землю, платить за нее высокую аренду, занимать деньги у деревенскихъ міроѣдовъ и кулаковъ. Помѣщики подняли цѣны на аренду непомѣрно высоко, а кулаки берутъ съ крестьянина огромный процентъ, а брать деньги въ долгъ подъ небольшіе проценты крестьянамъ неоткуда, потому что въ казенныхъ и другихъ банкахъ не даютъ денегъ въ долгъ крестьянамъ и бѣднякамъ. Тамъ даютъ только богачамъ. Также неоткуда доставать денегъ и рабочему, кромѣ какъ отъ ростовщика,

который деретъ съ живого и съ мертваго. Потому мы и требуемъ, чтобы казна теперь-же открыла въ своихъ банкахъ для всего трудящагося народа дешевый кредитъ, т. е. кредитъ подъ малые проценты и небольшими суммами. Такой кредитъ можетъ очень помочь трудящемуся народу и хотя кой-кому поможетъ избавиться отъ кабалы міроѣдовъ-ростовщиковъ.

Деревенская нужда гонитъ насъ изъ деревни на фабрику. А сладко-ли намъ жить на фабрикѣ? Вѣдь всѣ фабричные распорядки таковы, что отъ нихъ намъ только одна обида. Напримѣръ, многіе хозяева заставляютъ насъ работать ежедневно по 10 и по 11 съ половиной часовъ. Много-ли такихъ людей, которые смогутъ выдержать такую работу долгое время? Вѣдь фабричная и заводская работа очень тяжка. Вѣдь она всѣ силы выматываетъ и дѣлаетъ даже изъ самыхъ здоровыхъ людей,—совсѣмъ слабосильныхъ работниковъ, и мало-по-малу вгоняетъ человѣка въ гробъ раньше времени. Кромѣ того, всякому рабочему такая продолжительная работа мѣшаетъ жить по человѣчески, не оставляетъ ему почти ни минуты времени для самаго себя, для семьи, для того чтобы книжку почитать, поучиться, съ пріятелями посидѣть, общественными дѣлами заняться. Гдѣ ужъ до этого послѣ цѣлаго дня тяжелой работы! Но вѣдь мы, рабочіе,— такіе-же люди какъ и всѣ прочіе, мы собственнымъ здоровьемъ то же должны дорожить. Кромѣ того мы должны дорожить и отдыхомъ. Работы мы не боимся, но жить мы желаемъ по человѣчески. Поэтому мы и говоримъ, что больше 8 часовъ въ день работать мы не желаемъ, и даже не можемъ безъ вреда для себя и нашихъ семей. Восьмичасовой рабочій день намъ необходимъ во что бы то ни стало, коли мы не желаемъ питать своими соками господъ фабрикантовъ и заводчиковъ.

Они должны уменьшить наше рабочее время до 8 часовъ, а гдѣ работа очень трудна,—должны уменьшить и того больше *). Вѣдь если мы будемъ работать, то не будемъ сильно

*) Напримѣръ, на спичечныхъ фабрикахъ, въ рудникахъ, подъ землей, на заводахъ около раскаленныхъ печей.

утомляться. А отъ этого наша работа будетъ идти легче, и мы за 8 часовъ наработаемъ столько-же, сколько наработаемъ теперь въ 11 ч. Значитъ, отъ 8-часового рабочаго дня не будетъ убытковъ и хозяевамъ. Значитъ, нечего имъ и скулить, что при 8-часовомъ рабочемъ днѣ никакая фабрика и заводъ теперь не могутъ и существовать. Это сущая неправда. А потому мы, рабочіе и требуемъ восьмичасового рабочаго дня.

Но сократить время нашей работы нужно такъ, чтобы наши заработки вовсе не уменьшались отъ этого. Поэтому, одновременно съ этимъ уменьшеніемъ рабочаго времени необходимо повысить расцѣнки на наши работы, чтобы наши получки не сдѣлались ниже прежнихъ. Разумѣется фабриканты и заводчики всячески стараются доказать, что мы должны работать на нихъ по прежней низкой цѣнѣ. Но мало ли о чемъ они стараются. Такъ напримѣръ, они стараются морить насъ не только дневными, но и ночными работами. А по нашему ночныхъ работъ вовсе не должно быть, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ безъ ночныхъ работъ вовсе не возможно обойтись,—напр. у водопроводовъ, у доменныхъ печей, на желѣзныхъ дорогахъ. Хозяева намъ выматываютъ жилы и сосутъ соки не только изъ насъ, но и изъ нашихъ женъ и дѣтей. А по нашему — здоровье женщинъ-работницъ и дѣтей особенно нуждается въ охранѣ. Вѣдь дѣти — это будущіе работники, будущіе граждане, а здоровье женщинъ—матерей—это здоровье будущихъ поколѣній. Поэтому дѣти рабочихъ вовсе не должны допускаться до работъ, а женщины—работницы вовсе не должны работать во время беременности. А вотъ наши хозяева разсуждаютъ иначе: для нихъ женскій и дѣтскій трудъ—болѣе дешевый и выгодный товаръ. Наши хозяева гонятся понятно только за своей выгодой, а мы гонимся за тѣмъ, чтобы сохранить наше здоровье, и, значитъ, нашу человѣческую жизнь. Это поважнѣе, чѣмъ деньги. Отъ повышенія расцѣнокъ товаръ не такъ дорожаетъ, какъ отъ фабри-

кантской жадности, гонящейся за большимъ процентомъ. Небось этимъ процентомъ фабриканты и заводчики поступаться не желаютъ, а все стараются изъ нашего брата гроши выколачивать. Этимъ то они больше всего и занимаются и придумываютъ для этого разные способы.

Возьмемъ, напримѣръ, сверхурочныя работы. Этими работами фабриканты и заводчики дѣлаютъ намъ длинный рабочій день еще длиннѣе. Насъ принуждаютъ работать больше указаннаго времени, и отъ всякихъ сверхурочныхъ работъ рабочій человѣкъ и отказываться не смѣй. Для насъ такая работа считается обязательной. Правда, на бумагѣ она называется «необязательной», но попробуй-ка нашъ братъ отказаться отъ сверхурочной работы! Фабричное начальство тотчасъ кричитъ: «убирайся вонъ, коли не хочешь работать!» Потому мы, рабочіе, и требуемъ чтобы сверхурочныя работы были сдѣланы не обязательными не на бумагѣ только, а на самомъ дѣлѣ. Цѣна за нихъ штучникамъ, должна быть повышена; оплачивать же всѣ работы должны безъ всякихъ прижимокъ, и безъ сбавокъ, и безъ выжиманія грошей, такъ чтобы рабочіе лучше бы получали синицу въ руки, чѣмъ журавля въ небѣ.

Каждый годъ въ Россіи сотни тысячъ рабочихъ дѣлаются калѣками и не способными ни къ какой работѣ, потому что совсѣмъ портятъ свое здоровье на заводахъ и фабрикахъ. А кто сдѣлался калѣкой и неспособнымъ — ступай просить милостыню или умирать съ голоду. Для человѣка, живущаго трудами рукъ своихъ, это сущее несчастье. Но вѣдь отъ такого несчастья уже давнымъ-давно придумано въ другихъ государствахъ очень хорошее средство: страховка, подобно страховкѣ отъ огня, на случай пожара. Вотъ что такое страховка: напримѣръ, тысяча такихъ людей, желающихъ себя застраховать, платятъ по рублю или по полтора въ годъ, или какія-нибудь иныя деньги. Но вѣдь не всѣ изъ этихъ плательщиковъ непремѣнно искалѣчатся, захвораютъ, или ум-

рутъ,—огромное большинство все таки останется цѣло и невредимо. А страховыя деньги собираются со всѣхъ. Если кто нибудь искалѣчился или захворалъ,—тому и выдается денежное пособіе изъ собранныхъ такимъ способомъ денегъ, которыя внесены всѣми страхователями. Значитъ, при страховкѣ то, платятъ многіе, а получаютъ немногіе; поэтому и за небольшіе взносы можно обезпечивать людей на случай безработицы, болѣзни, старости и вообще неспособности къ труду, или какихъ нибудь несчастій. Такимъ способомъ страхуются въ настоящее время и имущество, и здоровье, и жизнь, и даже доходы. Такимъ самымъ способомъ можно-бы застраховать и насъ, рабочихъ, на случай увѣчья, или болѣзни, или старости, или безработицы, такъ чтобы изувѣченный или больной рабочій, или семья убитаго, или умершаго, безъ всякой судебной тяжбы, получала столько же страховыхъ денегъ, сколько зарабатывалъ здоровый работникъ. Такъ уже и заведено въ разныхъ государствахъ. Тамъ половину платы за страховку вноситъ за рабочихъ фабрикантъ, наживающійся за ихъ счетъ, а другую половину даетъ казна. Сами же рабочіе ничего не платятъ, или платятъ гроши. И это вполнѣ справедливо, чтобы фабриканты-хозяева платили, а рабочіе ничего не платили: вѣдь хозяинъ съ рабочихъ и безъ того беретъ и трудомъ рабочихъ живетъ, и силу рабочаго истощаетъ. Значитъ онъ и долженъ хоть немного позаботиться о рабочемъ и его семьѣ. А коли хозяинъ не захочетъ платить за своихъ рабочихъ страховки,— пусть самъ содержитъ неспособныхъ къ труду рабочихъ. Самъ пусть несетъ отвѣтственность за всѣ несчастные случаи и за всѣ болѣзни своихъ рабочихъ, которые страдаютъ обыкновенно не отъ чего другого, какъ отъ дурного устройства фабрикъ. Попросту говоря, для самихъ хозяевъ страховка рабочихъ выгоднѣе, чѣмъ собственная отвѣтственность. И у насъ въ Россіи можно устроить страховку для всѣхъ рабочихъ, и городскихъ, и сельскихъ, какіе только есть на фабрикахъ, заводахъ, въ рудникахъ и другихъ про-

мыслахъ, частныхъ желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ, на почтѣ, на телеграфѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ царь даже обѣщалъ устроить ее. Господа чиновники, важные сановники поговорили, поговорили о ней, да на томъ и покончили. Теперь они снова объ этомъ заговариваютъ, но съ нами рабочими, по прежнему никто не думаетъ совѣтоваться. И нашего житья-бытья не знаютъ они, и все таки не совѣтуются съ нами, и постоянно дѣйствуютъ въ слѣпую, по своимъ чиновничьимъ соображеніямъ. А вѣдь такимъ способомъ можно совершенно испортить даже самый хорошій, справедливый законъ, не говоря уже о такихъ, которые придуманы въ канцеляріяхъ. А потому, мы петербургскіе рабочіе и требуемъ, чтобы «выборные представители» (депутаты) отъ рабочаго класса, т. е. отъ всѣхъ насъ, рабочихъ, непремѣнно участвовали въ выработкѣ закона о страхованіи рабочихъ, а законъ этотъ долженъ быть изданъ теперь же. Мы желаемъ такого закона о страхованіи, который дѣйствительно обезпечивалъ бы насъ, рабочихъ, чтобы польза отъ этого закона была не тѣмъ людямъ, которые и безъ того богаты за нашъ счетъ, а тѣмъ, которые только живутъ трудомъ рукъ своихъ.

Начальство само отлично понимаетъ, что фабриканты и заводчики сильно притѣсняютъ рабочихъ. Но что же оно сдѣлало для нашей защиты отъ ихъ притѣсненій? Испугавшись нашихъ забастовокъ, оно придумало особыхъ чиновниковъ съ золотыми пуговицами, особыхъ фабричныхъ инспекторовъ,— пусть молъ—эти инспектора разбираютъ и улаживаютъ всякіе споры и раздоры съ хозяевами и рабочими. Такъ появились особые казенные миротворцы, фабричные инспектора. По закону, это особые чиновники, обязаны не столько заботиться о насъ, рабочихъ, сколько о тишинѣ и спокойствіи на фабрикахъ и заводахъ, т. е. дѣлать дѣло вродѣ полицейскаго. Ужъ не искать ли намъ правды и справедливости у этихъ инспекторовъ? Кто другой, а мы то, рабочіе, знаемъ, что это за господа фабричные инспектора. Мы своими глазами ви-

димъ, какъ они днюютъ и ночуютъ у фабрикантовъ и заводчиковъ. Эти инспектора — ихъ лучшіе друзья-пріятели. Они гнутъ ихъ руку, во-первыхъ по закону, а во-вторыхъ, и безъ всякаго закона. Законъ о фабричныхъ инспекторахъ вѣдь не нами, рабочими, написанъ. Его написали разные чиновники, важные сановники, среди которыхъ тоже есть фабриканты и заводчики. Ужъ они себя не обидѣли, и противъ себя, небось, не написали никакого закона! Всѣ русскіе законы такъ пишутся, что знатнымъ и богатымъ людямъ, вродѣ разныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ, они вовсе не страшны. Фабричные инспектора тоже могутъ ворочать даже хорошими фабричными законами по своему разумѣнію и хотѣнію, а о плохихъ законахъ и говорить нечего: отъ нихъ намъ проку не будетъ.

Не мудрено, что отъ фабричныхъ инспекторовъ рабочій человѣкъ почти всегда слышитъ только одинъ отвѣтъ: «мы, инспектора, ничего не можемъ для васъ сдѣлать, таковъ законъ и воля фабриканта". Поэтому, чего ради мы, рабочіе, станемъ таскаться къ инспекторамъ? Ужъ не правды ли искать у нихъ? Къ нимъ ходить—только время терять.

Вотъ почему мы и думаемъ, что никакіе фабричные инспектора не могутъ быть нашими настоящими защитниками, что они намъ ни къ чему. Насъ, рабочихъ, лучше всего можемъ охранить отъ притѣсненій со стороны хозяевъ мы сами. Мы и просили отмѣнить «институтъ» (т. е. должность инспекторовъ)*) и образовать (т. е. устроить) комиссію изъ рабочихъ,

*) Теперь инспекторъ назначается на свою должность начальствомъ (министромъ финансовъ). Совсѣмъ другое дѣло было-бы тогда, еслибъ онъ былъ выборнымъ отъ рабочихъ совмѣстно съ хозяевами, но выбирали бы ихъ не рабочіе и хозяева такой-то фабрики, а рабочіе и хозяева нѣсколькихъ фабрикъ, напримѣръ, по раіонамъ. Если бы это было такъ, то фабричные инспектора были чѣмъ-то вродѣ третейскихъ судей между хозяевами и рабочими. Тогда они были бы полезнѣе, чѣмъ теперь.

которая совмѣстно съ фабрично-заводской администраціей разбирала бы всѣ претензіи (т. е. жалобы) отдѣльныхъ рабочихъ. А по нашему всѣ наши споры съ фабрикантами слѣдуетъ, по справедливости, разбирать сообща.

Пусть ихъ разбираютъ не одни только заводчики или ихъ служащіе, а непремѣнно совмѣстно съ депутатами отъ рабочихъ, съ каждой стороны по нѣсколько человѣкъ и къ тому же на совершенно равныхъ правахъ, такъ чтобы хозяйскій голосъ не значилъ больше, чѣмъ голосъ рабочаго депутата. Если мы писали въ нашемъ прошеніи, что «увольненіе рабочихъ съ фабрикъ или заводовъ не должно совершаться иначе, какъ по постановленію комиссіи изъ рабочихъ депутатовъ и хозяевъ, мы требуемъ также, чтобы заработная плата, которую мы получаемъ (т. е. расцѣнки всѣхъ нашихъ работъ) была нормальна, т. е. правильна, справедлива и настолько высока, чтобы вполнѣ обезпечивать безбѣдное человѣческое существованіе каждому рабочему. А для этого расцѣнки должны устанавливаться съ общаго согласія рабочихъ и заводчиковъ, людей труда и людей капитала».

Въ настоящеее время, мы, фабрично-заводскіе рабочіе, вродѣ какъ рабы у нашихъ хозяевъ-фабрикантовъ и заводчиковъ. Они обыкновенно дѣлаютъ съ нами, что хотятъ: то выгоняютъ въ три шеи, когда имъ вздумается, то принимаютъ на работу словно изъ милости,—словно намъ подаяніе даютъ. Передъ фабрично-заводскимъ начальствомъ рабочій и пикнуть не смѣй, а оно насъ то и дѣло ругательски ругаетъ. Торговаться же изъ-за расцѣнокъ рабочій и не думай,—молъ, расцѣнки для всѣхъ одинаковы, — или принимай ихъ или не принимай. Сбавлять намъ расцѣнки «по случаю плохихъ дѣлъ» хозяева любятъ, а вотъ повысить ихъ послѣ того, какъ дѣла стали опять хорошія, они не очень-то торопятся. Поэтому мы, рабочіе, по-неволѣ всегда должны зорко смотрѣть за нашими хозяевами и должны торговаться, и торгуемся съ ними не каждый въ отдѣльности, а всѣ вмѣстѣ и

сразу, скопомъ. Эти наши интересы мы можемъ отстаивать и бороться съ разными злоупотребленіями хозяевъ и ихъ служащихъ только сообща, общими силами, держась всѣ за одного и одинъ за всѣхъ. Только въ нашемъ единеніи наша сила. Любого человѣка можно задушить и раззорить, коли онъ одинъ, но не такъ то легко справиться даже съ очень слабыми людьми, коли они дружно стоятъ другъ за друга. Есть такое старинное сказаніе, что скифскій царь передъ смертью собралъ своихъ сыновей, далъ имъ пучекъ прутьевъ и сказалъ: «переломите его». Даже очень сильные люди не смогли этого сдѣлать. Тогда царь взялъ этотъ самый пучокъ и своей слабой рукой сталъ ломать прутикъ за прутикомъ, и такимъ способомъ переломилъ на двое весь пучокъ. И правда, единеніе и дружество дѣлаютъ очень сильными даже такихъ людей, которые очень слабы.

Наши мирныя и дружныя забастовки, это для насъ очень удобный и полезный способъ борьбы. Такой способъ торговаться скопомъ съ хозяевами и называется на языкѣ начальства «стачками», а по нашему забастовками. Но и тутъ намъ бѣда—правительство тотчасъ же вмѣшивается въ наши споры-переговоры съ нашими хозяевами и становится прямо на сторону хозяевъ, противъ насъ, рабочихъ. Такъ, напримѣръ, до самаго послѣдняго времени начальство считало всякую нашу забастовку уголовнымъ преступленіемъ, а насъ, забастовщиковъ — уголовными преступниками, а еще не простыми уголовными, а государственными. Начальство въ своихъ циркулярахъ (писанныхъ распоряженіяхъ) объявляло насъ, забастовщиковъ, нарушителями государственнаго порядка, насъ обыскивало, сажало въ тюрьмы, отправляло въ ссылку, отдавало подъ судъ. И это только за то, что мы устраивали забастовки, чтобы торговаться съ хозяевами. Впрочемъ, что не дѣлай начальство, безъ забастовки мы не обойдемся.

Бастовать — это наше право и наша сила. Забастовки объединяютъ всѣхъ насъ, рабочихъ, работающихъ у одного

хозяина, и всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ одномъ производствѣ, на разныхъ фабрикахъ, и всѣ заводы и фабрики, какіе есть въ такомъ-то мѣстечкѣ, и всѣхъ рабочихъ своего государства. Только во время забастовокъ каждый изъ насъ чувствуетъ всю великую силу — мощь рабочаго народа. Только забастовками мы много разъ добивались уступокъ отъ нашихъ обидчиковъ, отъ хозяевъ и правительства.

Только послѣ забастовки 1896 года былъ опубликованъ законъ о сокращеніи рабочаго времени до 10—11 часовъ. Чувствуя нашу силу, правительство, въ угоду нашимъ хозяевамъ, разумѣется, всячески старается мѣшать забастовкамъ. А что должны дѣлать мы, рабочіе? Мы должны добиваться и добьемся полной отмѣны всѣхъ законовъ, которыми стѣснены забастовки и караются забастовщики. Мы, рабочіе, должны добиться полной свободы нашихъ стачекъ. Если насъ обижаютъ хозяева, будемъ устраивать забастовки противъ нихъ. Если на сторону хозяевъ становится правительство,— будемъ бастовать и противъ него,

Но вѣдь въ Россійскомъ государствѣ есть суды. Ужъ не туда-ли идти рабочему съ жалобами на хозяина? Не въ судъ ли на него прошеніе писать? Да вѣдь мы, рабочіе, на своей шкурѣ знаемъ, что нынѣшніе суды—только печаль одна. Не найдешь въ нихъ ни правды, ни милости, ни защиты, ни справедливости.

Законы судейскіе тоже обыкновенно не про насъ писаны,— ихъ всегда можно повернуть противъ насъ, да кромѣ того и судьи-чиновники вовсе не знаютъ нашего житья-бытья. Наконецъ, всѣмъ извѣстно, что «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись". Такъ что выходитъ въ концѣ-концовъ, что намъ, рабочимъ, на судѣ никогда никакой защиты нѣтъ. Волей-неволей намъ приходится надѣяться только на самихъ себя, на товарищество, и крѣпко-на крѣпко держаться всѣмъ за одного, а одному за всѣхъ, и добиваться своего забастовками.

Но это еще не все. Лишь только мы забастовали, сейчасъ нашъ хозяинъ зоветъ себѣ на помощь полицію, а то и войска. И всегда и вездѣ царское правительство, — министры даютъ фабрикантамъ и заводчикамъ такую помощь противъ насъ, и насъ, рабочихъ, «усмиряютъ», словно дикихъ звѣрей. Бывали случаи, что полицейскіе и казаки хватали насъ за шиворотъ и пинками, и колотушками тащили изъ рабочихъ казармъ къ машинамъ и принуждали насъ работать подъ страхомъ битья. Мы теперь хоть и не считаемся крѣпостными, а такія возмутительныя насилія не всегда продѣлывались даже надъ крѣпостнымъ народомъ. Съ нами поступаютъ какъ съ рабами, только за то, что мы мирнымъ и тихимъ способомъ боремся за свои интересы и отстаиваемъ свои выгоды. Полиція насъ хватаетъ по прежнему до сего дня. Кромѣ того, насъ отдаютъ подъ судъ и судятъ жестоко и сурово «за всякое сопротивленіе властямъ». И все это продѣлывается съ нами по закону, и къ тому же по такому закону, который подписанъ самимъ царемъ. Очень многіе законы написаны прямо противъ нашей выгоды, и кромѣ того противъ всякой справедливости. Законы русскіе таковы, что не даютъ намъ права отстаивать наши рабочіе интересы. Напримѣръ, мы, рабочіе, по закону не имѣемъ права устраивать забастовки. А вотъ фабрикантамъ законъ даетъ это самое право. Есть такой законъ, который подписанъ самимъ царемъ, который даетъ нашимъ хозяевамъ полное право устраивать между собой стачки. Такія ихъ стачки называются синдикатами. Въ газетахъ то и дѣло пишутъ, что разные фабриканты и заводчики то здѣсь, то тамъ устраиваютъ между собою стачки, т. е. сговариваются между собою о цѣнахъ на свои товары, сильно поднимаютъ эти цѣны, а наши расцѣнки сбавляютъ. И это еще не все,—фабриканты и заводчики сговариваются между собой даже о томъ, чтобы не принимать ни на какую фабрику того рабочаго, который пришелся не по вкусу какому-нибудь одному хозяину, а мы, фабричные

рабочіе насчетъ этого и пикнуть не смѣй. Настоящія дороги къ правдѣ и справедливости намъ закрыты, а тѣ дороги, которыя не закрыты таковы, что по нимъ и идти нельзя, сколько ни ходи, все равно ни къ чему. Значитъ, намъ рабочимъ вовсе не дано право бороться съ нашими хозяевами за наши собственные интересы и выгоды. Мы, рабочіе,—люди труда, а фабриканты и заводчики—люди капитала. Наша борьба съ нашими хозяевами—это борьба труда съ капиталомъ. Поэтому мы и писали въ нашемъ прошеніи, что для блага трудящагося народа необходима полная свобода борьбы труда съ капиталомъ. Въ эту борьбу казна и правительство вовсе не должно вмѣшиваться и не должно брать подъ свою защиту и безъ того богатыхъ и властныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Ужъ коли кого защищать, такъ необходимо защищать именно насъ, рабочихъ, потому что мы и бѣднѣе, и слабѣе чѣмъ фабриканты и заводчики. Лучше ужъ никого не защищать, чѣмъ ихъ защищать. Вѣдь при полной свободѣ борьбы мы, рабочіе, сумѣемъ и сами со всѣми хозяевами справиться и обуздаемъ ихъ лучшимъ способомъ.

Насъ, фабрично-заводскихъ и другихъ рабочихъ, въ Россіи насчитывается больше 10 милліоновъ человѣкъ. На насъ, какъ и на крестьянахъ, держится государство, а правительство обыкновенно не хочетъ даже и слушать нашего голоса, словно мы послѣдняя спица въ колесѣ. Министры и высокіе сановники придумываютъ для насъ разные законы безъ нашего согласія и спроса. Намъ, рабочимъ, то и дѣло начальство мѣшаетъ собираться, чтобы обсуждать касающіяся до насъ дѣла. Насъ разгоняетъ полиція, сажаетъ насъ въ тюрьму, захватываетъ нашихъ депутатовъ и делегатовъ. Сыщики подслушиваютъ и обнюхиваютъ насъ со всѣхъ сторонъ, охотятся за нашими лучшими людьми, какъ охотятся за звѣрями. Насъ называютъ «внутренними врагами». Въ 1904 году правительство позволило было на короткое время устроить намъ наши собственныя рабочія собранія, а потомъ взяло да

и закрыло ихъ безъ суда и слѣдствія, и даже захватило наше имущество, вовсе не считаясь съ нашими нуждами, и вопреки всякой справедливости. 17 октября царь, въ своемъ манифестѣ высокоторжественно объявилъ, что-де народу русскому онъ даруетъ разныя свободы, а въ ихъ числѣ свободу собраній и союзовъ. Но не прошло и мѣсяца послѣ этого манифеста, какъ полиція снова начала разгонять наши собранія. И все это продѣлывается безъ суда и слѣдствія и вопреки собственнымъ обѣщаніямъ начальства.

Наши лучшіе люди, наши депутаты, то и дѣло томятся въ тюрьмахъ. Мы выбираемъ нашихъ депутатовъ по всей справедливости и по совѣсти, потому что считаемъ ихъ умными и честными людьми, которые знаютъ и понимаютъ, что нужно рабочему классу, и которые стараются и хлопочутъ о нашихъ общественныхъ пользахъ. Этихъ нашихъ депутатовъ мы стараемся выбирать свободно и добровольно, безъ чужой указки. Но эти депутаты начальству непріятны, и оно раздѣлывается съ ними по свойски.

А съ нами, рабочими, что продѣлываетъ полиція, это ужъ всѣмъ извѣстно. Сколько нашихъ товарищей избито и искалѣчено по участкамъ? Сколько выслано на родину, въ глушь, гдѣ нѣтъ никакихъ заработковъ, на голодное прозябаніе? И кто ихъ судилъ, кто разслѣдовалъ ихъ вину? Ни суда, ни слѣдствія надъ нашимъ братомъ обыкновенно не ведется. Что-же это такое? Кто-же мы, — граждане или рабы? Полиція, жандармы, сыщики до сего времени распоряжаются нами словно крѣпостными, и постоянно играютъ въ руку нашимъ хозяевамъ, противъ всякой правды и справедливости. Полиція и жандармы нарочно придуманы для того, чтобы защищать начальство и всѣхъ другихъ нашихъ обидчиковъ отъ нашихъ справедливыхъ требованій. И особенно невыгодно для насъ то, что полиціи и жандармамъ дано право по закону помыкать нами, какъ крѣпостными рабами. И вѣдь не слѣдуетъ забывать, что полицейскіе и жандармскіе законы да-

ремъ подписаны. Только благодаря его подписи генералъ-губернаторы и губернаторы имѣютъ теперь такую огромную власть. Еще больше становится эта власть тамъ, гдѣ объявляется «усиленная охрана». А еще больше она въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя объявлены на «военномъ положеніи». Объявленіе же такой-то мѣстности на положеніи усиленной охраны, или на военномъ положеніи, обыкновенно дѣлается не иначе, какъ за подписью царя. Но и это показалось теперь недостаточнымъ. И вотъ 29 ноября 1905 года появился во всѣхъ газетахъ еще одинъ царскій указъ Сенату. Этимъ указомъ даются небывало большія полномочія всѣмъ генералъ-губернаторамъ, и губернаторамъ, и градоначальникамъ. Въ силу этого указа всѣмъ этимъ властямъ дано право объявлять любую мѣстность на положеніи усиленной охраны и на военномъ положеніи, по ихъ собственнымъ усмотрѣніямъ. Въ силу того-же указа даже мѣстные воинскіе начальники получаютъ власть генералъ-губернаторовъ. И все это царскія власти могутъ продѣлывать, не спрашивая на то особаго разрѣшенія у царя.

Всѣмъ извѣстно, что для губернатора очень выгодно, чтобы его губернія была объявлена на положеніи усиленной охраны, или на военномъ положеніи. Вѣдь благодаря этому, страшно усиливается его власть, совершенно упраздняются многіе всероссійскіе законы и даже царскіе манифесты, а, главное, самимъ властямъ начинаетъ идти усиленное жалованіе. Словомъ сказать, намъ рабочимъ, и всему народу отъ разныхъ усиленныхъ охранъ и военныхъ положеній одно только горе и слезки, а придержащимъ властямъ—доходъ. А въ концѣ концовъ и выходитъ, что нашимъ обидчикамъ, по нынѣшнимъ русскимъ законамъ, и обыкновеннымъ и чрезвычайнымъ, дана всякая свобода помыкать нами, несмотря на манифестъ 17 октября, а мы, рабочіе, не имѣемъ права даже жаловаться на несправедливости и притѣсненія начальства. Насчетъ жалобъ тоже придуманъ особый, несправедли-

вый законъ, тоже, подписанный въ свое время русскими царями. По этому закону, напримѣръ, жаловаться на городового можно только его приставу. а на пристава губернатору, а на губернатора министру или въ Сенатъ, а на министра тоже въ сенатъ, а всѣ эти власти между собой заодно, и свой покрываетъ своего, потому что старшіе, обыкновенно, еще хуже младшихъ.

Недаромъ въ народѣ сложилась извѣстная поговорка насчетъ полиціи: «кто выше сталъ, тотъ подлѣе сталъ». Значитъ, и выходитъ—и законы-то не очень святы, да и испонители ихъ—лихіи супостаты. Выходитъ такъ, что весь рабочій народъ живетъ, словно въ иноземномъ плѣну у своего начальства,—у полицейскихъ, у жандармовъ, губернаторовъ, министровъ. Такой плѣнъ даже хуже иноземнаго. Вѣдь при иноземномъ завоеваніи, по крайней мѣрѣ убиваютъ и угнетаютъ другъ друга люди разныхъ племенъ, а при нынѣшнихъ русскихъ порядкахъ угнетаютъ и убиваютъ другъ друга русскіе же люди, люди одного и того же народа и племени; по приказанію корыстнаго начальства, простой человѣкъ идетъ на простого человѣка, братъ на брата, озвѣрѣлый и пьяный казакъ науськивается на того же солдата и рабочаго, лишь бы покорить супостата подъ нози начальства. Если уже иноземное плѣненіе и убійство нехорошо и не должно существовать, то что же сказать о плѣненіи всего русскаго народа, трудящагося народа, русскимъ начальствомъ? Такъ жить нельзя. А коли нельзя, значитъ, нужно обуздать насильниковъ и совершенно лишить ихъ власти, и добиться того, чтобы не было у нихъ такой власти ни по закону, ни помимо закона. Нужно добиться того, чтобы насъ, рабочихъ, и другихъ русскихъ людей никто и никогда не смѣлъ арестовывать безъ суда и слѣдствія, сажать въ тюрьмы и высылать. Наше тѣло, наша личность должны быть совершенно неприкосновенными, и не только на бумагѣ, въ родѣ манифеста 17 октября, но и на самомъ дѣлѣ. Поэтому мы и писали въ

нашемъ прошеніи о свободѣ и неприкосновенности личности, чтобы никто не смѣлъ не только бить и хватать человѣка безъ суда и слѣдствія по одному доносу, но даже и обыскивать его, врываться въ его домъ, перехватывать по почтѣ и распечатывать его частныя письма. Не долженъ никто ставить также помѣхъ человѣку для его переѣздовъ изъ деревни въ городъ и обратно; пусть каждый человѣкъ живетъ, гдѣ хочетъ. А для этого нужно отмѣнить всякіе паспорта, а, значитъ, и «черты осѣдлости». Особенно вредны паспорта для рабочихъ людей, живущихъ трудомъ рукъ своихъ. Свободы и неприкосновенности нашей не долженъ нарушать никто, будь онъ хоть городовой, хоть министръ, хоть самъ царь, и дѣйствуй они хоть безъ закона, хоть по закону. Но никакихъ дѣйствій безъ закона и совсѣмъ не должно быть. Всѣ должны быть только подъ закономъ. Выше всѣхъ долженъ быть законъ. Но должно быть кое-что даже и выше закона и вотъ что именно: справедливость; всѣ законы должны быть справедливыми. Значитъ, всѣ несправедливые законы должны быть совершенно отмѣнены. Всякій законъ, который даетъ необузданную власть человѣку надъ человѣкомъ, этимъ самымъ долженъ уже считаться несправедливымъ закономъ.

Необузданной власти не должно быть ни у кого, потому что такая власть непремѣнно принесетъ страшный вредъ всѣмъ прочимъ людямъ. А разъ это такъ, значитъ, долой ее! И долой отъ самаго низу, начиная хотя бы отъ городового, и до самаго верху. Значитъ, чтобы добиться настоящей неприкосновенности личности необходимо свести на нѣтъ необузданную власть всѣхъ властей. Всѣхъ безъ исключенія. Безъ этого никакой неприкосновенности личности никогда не будетъ. Не будетъ также и никакой свободы.

* * *

Но одной неприкосновенности личности еще мало. Намъ, рабочимъ, какъ и всѣмъ другимъ русскимъ людямъ, должно

быть дано по закону право всячески добиваться правды и справедливости и совершенно свободно обсуждать сообща наши общественныя дѣла. И не только дѣла наши—рабочія, но и всякія, даже государственныя, и даже царскія. Вѣдь государственныя и царскія дѣла,—напримѣръ, всѣ написанные для нашего брата законы, и сказанныя царемъ рѣчи, и отданные имъ приказы,—тоже до насъ касаются. Вѣдь для того они и говорятся во всеуслышаніе. А коли они насъ касаются, значитъ, мы и должны ихъ обсуждать по совѣсти, какъ и всѣ прочія общественныя дѣла, и государственныя и всякія иныя, и обсуждать совершенно открыто и свободно изо дня въ день, изъ года въ годъ, и къ тому-же не опасаясь, что насъ за это посадятъ въ тюрьму или убьютъ. Потому и писали въ своемъ прошеніи, что намъ, рабочимъ, необходима для обсужденія нашихъ дѣлъ полная свобода слова при полной неприкосновенности нашей личности. Но мы должны имѣть право не только говорить о нашихъ нуждахъ, но и писать о нихъ и печатать. Въ книгахъ и газетахъ это необходимо для того, чтобы слово правды и справедливости и голосъ о нуждѣ рабочаго доходилъ черезъ газеты и книги и листки до самыхъ глухихъ уголковъ русской земли, а изъ этихъ уголковъ—до столицъ, и до всего свѣта. Еще свобода печати необходима для того, чтобы темныя дѣла и дѣлишки разныхъ нашихъ обидчиковъ, и начальства, и хозяевъ, и полицейскихъ, и жандармовъ, и министровъ, и великихъ князей, и самого царя, всегда могли бы быть выведены на чистую воду. Вѣдь кто дѣйствуетъ правильно, и кто самъ стоитъ за правду, тому скрывать нечего. Значитъ, тому нечего и бояться никакихъ обличеній въ газетахъ и книгахъ; эти обличенія страшны только тѣмъ, кто ловитъ рыбку въ мутной водѣ.

Нѣтъ, вотъ этакихъ-то господъ разбойниковъ и надо выставлять на позорище передъ всѣмъ свѣтомъ, въ газетахъ, въ книгахъ и листкахъ. Да никакимъ другимъ способомъ иной

разъ этихъ господъ и не уловишь: глазъ и ушей не хватитъ на это. А въ газетѣ всѣмъ имъ мѣсто найдется. Вѣдь не даромъ говорится, что газета—это глаза и уши цѣлаго народа. Весь народъ смотритъ и слушаетъ ими и другимъ показываетъ такимъ способомъ и говоритъ. Значитъ, свобода полная говорить и печатать, что угодно, нужна для пользы всего трудящагося народа, для торжества правды и справедливости, для ближайшаго общенія всѣхъ людей между собой, для всенароднаго проявленія борьбы съ неправдой и обидами, для самозащиты всѣхъ слабыхъ, обиженныхъ и униженныхъ.

Никто не смѣетъ и никто не долженъ лишать людей столь великаго блага. Потому мы и писали въ нашемъ прошеніи, что по справедливости и для пользы и выгоды всего трудящагося народа намъ необходима свобода печати,—то есть право писать и печатать о нашихъ дѣлахъ и знать полную, настоящую правду обо всемъ томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, какъ живется людямъ и какіе есть настоящіе, коренные способы помочь нашему тяжелому житью-бытью. Для трудящагося народа выходитъ гораздо больше вреда отъ затыканія ртовъ и запрещенія книгъ и газетъ, чѣмъ отъ ошибокъ и вольныхъ выходокъ нѣкоторыхъ писателей. Да вѣдь при свободѣ печати всякія ошибки можно тѣмъ же печатнымъ способомъ указать, а зазнавшихся ославить, осмѣять, опровергнуть, обуздать. Но свобода печати особенно страшна самодержавному правительству, потому что оно, правительство, только и можетъ теперь держаться на насиліяхъ и неправдѣ. Поэтому оно всячески старается зажимать рты и намъ, и газетамъ. Оно то дѣло запрещаетъ писать въ книгахъ и газетахъ о мирномъ житьѣ-бытьѣ трудящагося народа, о голодовкахъ, о политическихъ, о сановникахъ-ворахъ, о князьяхъ-развратникахъ, объ ошибкахъ и преступленіяхъ начальства, о несовершенствѣ разныхъ законовъ и государственныхъ учрежденій и о многомъ другомъ. Правительство даже не останавливается передъ нарушеніемъ своихъ соб-

ственныхъ обѣщаній: 17 октября царь въ своемъ манифестѣ торжественно даруетъ своему народу свободу слова, печати, а 2 декабря того же года сразу закрываются начальствомъ больше десяти русскихъ газетъ, честно отстаивавшихъ интересы русскаго трудящагося народа и смѣло говорившихъ передъ лицомъ всего свѣта правду. Нѣтъ, намъ, рабочимъ, какъ всему трудящемуся народу, нужна настоящая, нерушимая свобода печати, а не такая, которая только на бумажкѣ хороша. Мы, рабочіе, не дѣти малыя и неразумныя. Мы такъ же люди, какъ и всѣ прочіе, и можемъ разобраться въ книгахъ и газетахъ своимъ умомъ гораздо лучше, чѣмъ по чужой указкѣ. Поэтому мы и требуемъ, чтобы по закону было дозволено печатать и писать рѣшительно обо всемъ, и то, что написано или напечатано, можно было бы распространять и продавать совершенно свободно.

* * *

Да помимо единенія и просвѣщенія намъ еще необходима полная свобода въ устройствѣ нашихъ собраній и кружковъ, гдѣ бы мы могли другъ съ другомъ встрѣчаться и рабочія, и государственныя, и всякія иныя дѣла свободно обсуждать и обмѣниваться другъ съ другомъ мыслями, умныхъ людей повидать, отъ нихъ общественному дѣлу поучиться, ихъ горячее и умное слово послушать. Намъ необходимо право устраивать ихъ, ни у кого о томъ не спрашивая разрѣшенія, потому что мы сами лучше всѣхъ другихъ знаемъ, что для насъ нужно и что не нужно, что для насъ полезно и вредно. Никто не долженъ мѣшать намъ въ въ устройствѣ нашихъ рабочихъ дѣлъ. Въ единеніи наша сила; значитъ, намъ собранія нужны, какъ воздухъ и свѣтъ. Никто не долженъ имѣть права закрывать наши собранія и кружки по собственному усмотрѣнію, безъ суда и слѣдствія, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, генералъ Треповъ въ 1905 году въ Петербургѣ. Если мы чѣмъ нибудь провинимся, пусть

насъ отдаютъ подъ судъ и пусть разбираютъ тамъ наши поступки по всей справедливости и не кривя душой. Суда мы не боимся. Мы не желаемъ только произвольнаго усмотрѣнія начальства. Судъ всетаки лучше такого усмотрѣнія. Но не всякій судъ справедливый судъ. Для блага всего государства, и особенно для блага всего трудящагося народа необходимъ судъ только правый, скорый и милостивый. Всѣмъ извѣстно, что о такомъ судѣ и говорилъ когда-то императоръ Александръ II. Но эти его хорошія слова только и остались словами. Въ настоящее время нѣтъ въ русскомъ государствѣ такого суда, а есть только судилище неправое, нескорое и не милостивое. Отъ нынѣшнихъ русскихъ судовъ трудно и мудрено добиться правды и защиты для русскаго рабочаго человѣка и для крестьянина. Нынѣшніе суды судятъ не столько по закону, сколько по усмотрѣнію начальства: что министръ или иное высшее начальство прикажетъ, то судъ и рѣшитъ, кого велитъ засудить, того судъ и засудитъ. Напримѣръ, насъ рабочихъ, то и дѣло судятъ за устройство забастовокъ, за хожденіе по улицамъ подъ красныхъ флагомъ и за многія другія дѣла, которыя не по вкусу нашему начальству. Суды такъ теперь устроены, что ихъ даже судами назвать нельзя. Это просто-напросто особый способъ прикрывать и обѣлять народныхъ обидчиковъ и сажать невинныхъ людей въ тюрьмы подъ благовиднымъ предлогомъ и якобы по закону. Къ богатѣямъ-фабрикантамъ и помѣщикамъ, а особенно къ разнымъ властямъ-злодѣямъ, суды больно уже милостивы, а трудящійся народъ бѣги-ка скорѣй отъ нихъ, какъ отъ огня. Да чиновника-то и къ суду очень трудно притянуть, а если это и удастся, то судъ постарается оправдать. Оправдываетъ воровъ и разбойниковъ состоящихъ на казенной службѣ (особенно крупныхъ). На судейскомъ языкѣ называется «поддержать престижъ» (т. е. достоинство) государственной власти. Но это еще что. Кромѣ этихъ судовъ начальствомъ придуманы еще суды особенные, звѣрскіе, жестокіе, явно неправые и

не милостивые. Такіе суды называются «военными» и военно-полевыми» судами. Эти суды устраиваются не для того, чтобы дѣла разбирать, а чтобы непріятныхъ людей со свѣта убирать, посылать даже невинныхъ людей на висѣлицу, не вникая въ самую суть ихъ вины. И вотъ что особенно замѣчательно: при помощи этихъ судовъ можно задушить невиннаго человѣка веревкой торжественно, на висѣлицѣ, при барабанномъ боѣ, даже за такую его вину, за которую обыкновенный судъ, даже по нынѣшнимъ несправедливымъ законамъ, совсѣмъ не могъ бы этого сдѣлать. За одинъ 1905 годъ правительство задушило веревкой нѣсколько десятковъ человѣкъ совершенно зря. И всѣ мы, рабочіе, понимаемъ, что не тѣ преступники, которыхъ вѣшали, а тѣ, которые ихъ вѣшали. Намъ, рабочимъ, такого возмутительнаго, гнуснаго суда вовсе не надо. Мы желаемъ суда настоящаго, правильнаго, нелицепріятнаго. Мы желаемъ такого суда, который совершался бы открыто, на глазахъ у всѣхъ, не въ подземельѣ и канцеляріи, а при свѣтѣ дня. Мы желаемъ, чтобы на судѣ насъ судили не одни только казенные судьи, а чтобы рядомъ съ судьями засѣдали и разбирали дѣла выборные отъ народа люди. И къ тому же не нынѣшніе присяжные засѣдатели, *) которые назначаются теперь по усмотрѣнію начальства, а наши собственные представители, наши избранники, которыхъ мы сами считаемъ честными и справедливыми людьми и къ тому же знающими хорошо наше житье-бытье. Мы желаемъ, чтобы на судѣ слышнѣе всѣхъ былъ голосъ этимъ самыхъ выборныхъ людей, а не какихъ-то тамъ чиновниковъ, состоящихъ на жалованьи. Мы желаемъ, чтобы наши судьи были совершенно независимы отъ начальства, и чтобы начальство

*) Нынѣшнее правительство даже ихъ боится и не любитъ, и потому многія судебныя дѣла велитъ разбирать на судѣ безъ помощи присяжныхъ, особено же преступленія властей и преступленія противъ властей. Это нужно для того, чтобы легче было оправдывать преступную власть, когда она сдѣлалась вовсе невыносимой.

даже не имѣло права ихъ смѣнять, коли они будутъ постановлять приговоры на судѣ не по вкусу начальства, а только по правдѣ. Вотъ какіе суды намъ нужны. Тогда пусть они насъ судятъ, какъ имъ вздумается. Правды мы не боимся. Намъ страшна только кривда и корысть начальства и всѣхъ нашихъ другихъ обидчиковъ. Если такой правильный справедливый судъ и закроетъ какое-нибудь наше собраніе или посадитъ кого-нибудь изъ насъ въ тюрьму, мы такъ и скажемъ: «быть по сему»—значитъ, виновные дѣйствительно этого заслужили, а къ нынѣшнимъ судамъ у насъ давнымъ давно довѣрія нѣтъ и быть не можетъ. Поэтому мы и писали въ нашемъ прошеніи, что намъ, рабочимъ, необходимы полная неприкосновенность личности и свобода слова и печати, а также свобода собраній при вполнѣ правильномъ и справедливомъ устройствѣ суда. Такой судъ дѣйствительно будетъ охранять всѣ наши свободы. А безъ него никакія свободы будутъ ни къ чему. Такъ оно и вышло теперь на самомъ дѣлѣ. 17 октября царь объявилъ въ своемъ манифестѣ о свободѣ печати, свободѣ слова, свободѣ собраній и неприкосновенности личности, а нѣсколько недѣль спустя появился въ газетахъ такой законъ, по которому нынѣшній судъ можетъ засудить любого изъ насъ за любое слово, за любое собраніе, за любое сочиненіе, напечатанное въ газетѣ. И правда, съ 17 октября по 5 декабря судъ уже возбудилъ противъ газетъ 92 судебныхъ дѣла, закрылъ 9 газетъ, и нѣсколькихъ писателей уже приговорилъ къ заключенію въ крѣпости на цѣлый годъ, за такія сочиненія, которыя по манифесту 17 октября не должны бы и считаться не законными. Значитъ, и вышло въ концѣ концовъ: новые права, объявленныя въ манифестѣ, развязали людямъ языкъ, а старые суды за это самое объявили этихъ самыхъ людей преступниками и стали ихъ сажать въ тюрьму. Вотъ тебѣ и свобода, вотъ тебѣ и манифестъ.

* *
*

Еще мы писали въ нашемъ прошеніи, что намъ нужна свобода союзовъ; подобно тому, какъ заключаетъ союзъ государство съ государствомъ, такъ можетъ заключить союзъ и человѣкъ съ человѣкомъ и десятокъ, и тысяча, и сотня тысячъ людей между собой. Всѣ люди, заключившіе такой союзъ, составляютъ какъ одно цѣлое и даютъ обѣщаніе дружно добиваться своей общей цѣли и дружно отбиваться отъ враговъ, коли тѣ имъ будутъ мѣшать. Такіе союзы устраиваются или какъ временные, напримѣръ, во время забастовокъ, или какъ постоянные. Для насъ, рабочихъ, очень выгодно объединяться въ постоянные союзы, то есть устраивать постоянное товарищество, дружество для защиты нашихъ рабочихъ интересовъ. Чѣмъ больше рабочаго народу сдѣлается членами союза, то есть войдетъ въ его составъ, тѣмъ больше пользы для дѣла. Вѣдь объединившись удобнѣе вести борьбу и добиваться своей цѣли. И узнавать другъ друга легче, часто бывая среди членовъ союза, и привыкать къ общественной дѣятельности и общественной работѣ удобнѣе; и деньги легче собирать на борьбу, напримѣръ, устраивать въ складчину кассы особыя—взаимопомощи, на случай забастовки или насилія властей. Работники, объединившіеся въ союзъ, легче могутъ сплотиться, спѣться, а затѣмъ дѣйствовать, какъ одинъ человѣкъ. Выборные депутаты отъ такого союза имѣютъ полное право говорить съ начальствомъ или со своими хозяевами отъ имени всѣхъ своихъ товарищей, членовъ своего союза.

И для насъ, рабочихъ, очень удобно и выгодно. Вѣдь отъ каждаго цеха рабочихъ могутъ быть выбраны свои особые представители. Напримѣръ, отъ слесарей свои, отъ булочниковъ свои, отъ башмачниковъ свои. Отъ каждаго завода, каждой мастерской свои. Такимъ способомъ рабочіе, занятые одной и той же работой, могутъ объединяться въ союзъ, осо-

бый для каждой профессіи, то есть для каждаго рода занятій. Вотъ такіе союзы рабочихъ по ихъ профессіямъ и называются профессіональными союзами. Разные профессіональные союзы, въ свою очередь, могутъ объединяться, при посредствѣ своихъ депутатовъ, въ особый союзъ этихъ союзовъ. Главари этого союза уже имѣютъ право разговаривать съ начальствомъ отъ имени всѣхъ рабочихъ разныхъ ремеслъ, входящихъ во всѣ эти союзы. Разумѣется, такой союзъ союзовъ представляетъ изъ себя еще больше силы, чѣмъ всѣ отдѣльные союзы. Но это еще не все. Вѣдь люди могутъ объединяться не только по своимъ профессіямъ, а и разными другими способами. Вѣдь стремясь къ одной и той же цѣли, могутъ объединяться разные люди. Напримѣръ, люди, которымъ противно пьянство, объединяются въ особые союзы, или какъ ихъ называютъ «общества трезвости»; люди, стремящіеся къ самообразованію, объединяются въ союзы самообразованія, для устройства общими силами библіотекъ, читаленъ, воскресныхъ и вечернихъ школъ, лекцій и проч.; люди, которые желаютъ покупать всѣ необходимые товары по болѣе дешевой цѣнѣ и лучшаго качества, чѣмъ обыкновенные лавочные, устраиваютъ особыя общества потребителей, заводятъ особыя лавки на паяхъ, такъ что каждый пайщикъ есть не только покупатель, но одинъ изъ хозяевъ такой лавки. Устраиваются на подобіе, то есть общими силами и въ складчину небольшими паями, и кассы взаимопомощи, и торговыя заведенія, и мастерскія, и даже фабрики и заводы. Разныя заведенія, устроенныя такимъ способомъ, на паяхъ для производства разныхъ товаровъ, называются производительными союзами или товариществами. Кто не понимаетъ, какъ могутъ быть полезны трудящемуся народу всѣ такіе союзы? Благодаря имъ сила каждаго отдѣльнаго рабочаго увеличивается и выростаетъ во много разъ. А вѣдь это намъ, рабочимъ, и необходимо.

Благодаря устройству разныхъ союзовъ, мы, рабочіе, дѣлаемся хозяевами и нашей собственной судьбы. Поэтому мы должны всячески стараться, чтобы заводить возможно больше всякихъ

рабочихъ союзовъ и чтобы каждый союзъ объединялъ въ себѣ возможно больше народу. Всякіе союзы намъ на пользу, коли они устроены самимъ трудящимся народомъ. Особенно же полезны намъ такіе союзы, которые помогаютъ бороться съ нашей темнотой, вѣдь бороться съ ней куда легче общими силами. Вѣдь въ складчину можно завести на 50—60 рублей даже очень хорошую библіотеку, въ которую войдутъ очень просто изложенныя и дешевыя книги по всѣмъ главнѣйшимъ наукамъ. А для начала можно устраивать въ складчину хорошія библіотеки и на 10 и на 15 рублей. Всякая хорошая и честная книга—страшная сила. Она раскрываетъ правду-истину въ мысляхъ человѣческихъ и правду-справедливость въ жизни и поступкахъ людей. Книга можетъ дать каждому человѣку, даже темному изъ темныхъ, во-первыхъ, знанія, какихъ иные люди не могутъ получить ни изъ какой школы; во-вторыхъ, пониманіе всего того, что дѣлается вокругъ, куда бы не занесла человѣка судьба; въ-третьихъ, хорошая, честная книга зажигаетъ въ живой, отзывчивой человѣческой душѣ свѣтлый, святой огонекъ совѣсти человѣческой и любви къ людямъ, и борьбы со всякой неправдой во имя счастья всѣхъ людей.

Поэтому мы, рабочіе, всячески должны устраивать союзы для самообразованія. Да ихъ и не трудно и устраивать. Вѣдь они и денегъ требуютъ немного, а дѣло дѣлаютъ большое: вѣдь понимающіе люди—самые нужные люди во всякомъ государствѣ. Только такіе люди и могутъ быть настоящими гражданами. Вѣдь, чтобы понимать государственную жизнь и ея темныя и свѣтлыя стороны, необходимо и книжекъ хорошихъ почитать, побольше и хорошенько подумать надъ ними. Государственная жизнь иначе называется политической жизнью. Государственные порядки иначе называются политическимъ строемъ государства. Каждый гражданинъ имѣетъ право разсуждать о политическихъ дѣлахъ, да и никто и не можетъ лишить его этого права до тѣхъ самыхъ поръ, пока у чело-

вѣка голова на плечахъ; граждане, которые разсуждаютъ одинаково о дѣлахъ и нуждахъ своего государства и стремятся къ однимъ и тѣмъ же перемѣнамъ въ его устройствѣ, называются политическими единомышленниками. Когда такіе люди объединяются между собой, изъ нихъ составляется политическая партія. Политическія партіи тоже могутъ устраивать и должны устраивать свои политическіе союзы. Такіе союзы могутъ быть большою силою государства.

Мы, рабочіе, должны устраивать тоже наши собственные политическіе союзы для того, чтобы дружно добиваться такихъ перемѣнъ въ русскомъ государственномъ устройствѣ, которыя были бы полезны и выгодны трудящемуся народу— это наше право, наша обязанность, нашъ долгъ передъ нашей родиной. И если кто лишаетъ насъ этого права, тотъ совершаетъ преступленіе противъ всего трудящагося народа. Поэтому мы и требуемъ, чтобы были теперь же устранены всѣ препятствія устройству разныхъ союзовъ. Если этому мѣшаетъ какой-нибудь несправедливый законъ, его необходимо поскорѣе отмѣнить. Если мѣшаютъ какія-нибудь власти, ихъ необходимо обуздать. Всѣ союзы должны находиться не подъ запрещеніемъ, а подъ охраной закона. Должна быть предоставлена полная свобода всѣмъ и каждому устраивать всякіе союзы. И эта свобода тоже должна быть охраняема закономъ. Необходимъ для пользы трудящагося народа такой законъ, въ силу котораго не нужно бы было спрашивать никакого даже разрѣшенія отъ начальства на устройство союза и на утвержденіе его устава; и чтобы никто не смѣлъ закрывать ихъ, не только полиція, но даже и высшія власти, и чтобы никто не смѣлъ касаться союзныхъ кассъ, кромѣ самихъ членовъ и выборныхъ отъ нихъ. Союзы нужны для трудящагося народа, какъ свѣтъ и воздухъ, потому что безъ единенія съ другими людьми человѣкъ не можетъ жить, какъ безъ свѣта и безъ воздуха. Вотъ поэтому то самому начальство и разные другіе обидчики всегда и всюду мѣшали намъ, рабочимъ,

устраивать наши союзы. Напримѣръ, въ 1905 году, мы, рабочіе, устроили, множество союзовъ. Правительство тотчасъ же стало арестовывать тѣхъ людей, которыхъ мы поставили во главѣ нашихъ союзовъ. Оно арестовало главарей нашихъ рабочихъ союзовъ и Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Были арестованы главные дѣятели въ почтово-телеграфномъ Союзѣ. Крестьяне устроили въ 1905 году особый Крестьянскій Союзъ, въ который очень быстро вступило нѣсколько милліоновъ человѣкъ. Правительство въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1905 года арестовало главарей и этого союза. Ему дѣла нѣтъ, что самъ царь 17 октября торжественно объявилъ свободу союзовъ. Обѣщанія остались только на бумагѣ. Право устраивать союзы тоже осталось бы на бумагѣ, если бы мы, рабочіе испугались и разбѣжались. Но мы не испугались и не разбѣжались, а стали по прежнему устраивать наши союзы, несмотря ни на какія запрещенія начальства и не боясь никакихъ арестовъ. Да мы и не могли иначе сдѣлать, потому что, особенно при нынѣшнихъ тяжелыхъ временахъ, союзы намъ необходимы, какъ воздухъ и свѣтъ. Безъ нихъ мы теперь жить не можемъ. Отъ того, что начальство запрещаетъ наши союзы и арестовываетъ нашихъ лучшихъ людей, выходятъ для насъ только излишнія помѣхи и ненужныя страданія и разгорается совсѣмъ ненужная злоба. А дѣло союзовъ попрежнему идетъ, хотя мы и страдаемъ. Нѣтъ, мы должны добиться настоящаго права устраивать наши союзы совершенно свободно, независимо и не спрашиваясь ни у какого начальства; и чтобы оно не смѣло намъ мѣшать въ нашемъ справедливомъ и необходимомъ дѣлѣ. Намъ нужна полная свобода союзовъ. Объ этомъ мы и писали въ нашемъ прошеніи.

* *
*

Истина и справедливость самые вѣрные и надежные слуги каждаго трудящагося человѣка. Они должны быть для насъ выше всего и дороже всего. А добиваться ихъ можно только

однимъ способомъ: итти къ своей цѣли смѣло и открыто, и свободно, не боясь никого и ничего, и не кривя душой ни передъ кѣмъ, ни душой, ни совѣстью. Совѣсть человѣческая тоже должна быть совершенно свободною, — иначе говоря, никто никогда не долженъ ее насиловать и запугивать. Каждый человѣкъ долженъ держать отвѣтъ за свои поступки прежде всего передъ своей совѣстью. А что мы видимъ вокругъ себя? Наше начальство насилуетъ нашу совѣсть чуть ли не на каждомъ шагу.

Напримѣръ, оно дѣлаетъ такъ: оно беретъ съ насъ подписку или присягу, заставляетъ насъ говорить страшныя слова надъ распятіемъ, что мы будемъ дѣлать все, рѣшительно все, что намъ велятъ наши безчестные и несправедливые начальники. Солдатъ заставляютъ клясться и присягать, что они будутъ стрѣлять въ насъ—рабочихъ и даже въ своихъ отцовъ и братьевъ, матерей и сестеръ, коли имъ это прикажетъ какой-нибудь офицерикъ, присланный на помощь фабриканту или помѣщику. А въ евангеліи коротко и ясно сказано: «не клянитесь вовсе, да будетъ ваше слово «да, да, нѣтъ, нѣтъ». Значитъ, евангеліе запрещаетъ всякую клятву и присягу. Что хотѣлъ сказать Христосъ, то Онъ и сказалъ, и къ тому же сказалъ вразумительно и просто. А священники въ церквахъ и школахъ, безъ всякаго стыда и не краснѣя, обманываютъ нашу совѣсть и хитроумно толкуютъ,—изворачиваютъ евангельскія слова, и говорятъ такъ. «присягать, молъ, и клясться иногда можно и даже должно». Священникамъ вѣдь дѣла нѣтъ, что Христосъ никакихъ оговорокъ не дѣлалъ. Онъ всѣмъ и навсегда запретилъ всякую клятву. Или вотъ еще примѣръ: въ евангеліи сказано: «не убій». А попробуй-ка сказать грамотный рабочій, читавшій евангеліе, своему священнику: «моя совѣсть говоритъ мнѣ, что вы толкуете евангельскія слова неправильно, поэтому я не хочу итти на войну, гдѣ убиваютъ людей; я требую, чтобы никто не смѣлъ ихъ убивать». За такія слова священникъ, какъ и

полицейскій, поступитъ съ говорившимъ, какъ съ преступникомъ. Имъ дѣла нѣтъ до заповѣди «не убій». Смертная казнь то же убійство; значитъ, смертной казни не должно бы быть вовсе. Значитъ, священникъ не долженъ даже благословлять не только идущихъ на войну,—онъ не долженъ оправдывать и обѣлять тѣхъ судей, которые подписываютъ смертные приговоры людямъ. Вѣдь такъ поступать—значитъ, противъ Христа итти. А что скажетъ на такія слова рабочаго священникъ? Онъ и на счетъ смертной казни скажетъ то же самое, что сказалъ бы любой полицейскій или любой судья неправедный, любой чиновникъ, министръ. Да вѣдь не только министры подписываютъ смертные приговоры. Ихъ подписываетъ и царь. Оно и понятно. Вѣдь, сидя въ золотомъ кабинетѣ, не страшно бумажку подписать: «сей, молъ, смертный приговоръ утверждаю». Это вѣдь не то, что на человѣческую шею веревку накинуть и тянуть ее до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не посинѣетъ и не вытянетъ языка.

Священники, какъ и судьи, какъ и начальство, и всѣ другіе обидчики трудящагося народа,—всегда и всюду защищали и войну, и смертную казнь, и другія убійства.

А почему они это дѣлали? Да потому, что война и убійство—столь вредныя трудящемуся народу,—очень полезны этимъ самымъ народнымъ обидчикамъ. Вѣдь около войны всѣ такіе господа себѣ руки грѣютъ. А при помощи смертной казни они убираютъ подъ благовиднымъ предлогомъ тѣхъ честныхъ и благородныхъ людей, которые мѣшаютъ имъ руки грѣть. А въ концѣ концовъ и выходитъ, что священники сознательно и преднамѣренно во всѣхъ церквахъ искажаютъ евангеліе, чтобы оправдать дѣянія и злодѣянія начальства. Они стараются обѣлить то, что вовсе не должны бы обѣлять. И мало того, что обѣляютъ—они стараются загрязнить даже дѣтскія души въ школахъ, внушая и дѣтямъ, что война—необходимое дѣло, а смертная казнь устраивается только надъ тѣми, кто совершилъ величайшій грѣхъ. Развѣ

это не насиліе надъ дѣтской совѣстью? То же самое и надъ совѣстью людей взрослыхъ, напримѣръ, солдатъ., Вѣдь солдаты только то и дѣлаютъ, что обучаются тому какъ убивать людей. Ихъ нарочно готовятъ въ убійцы, по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Для того и присягу солдатъ долженъ принимать, чтобы подъ страхомъ клятвы продѣлывать самыя гнусныя дѣла. Хорошія дѣла и безъ клятвы дѣлаются. Страхъ нарушенія клятвы—тотъ же кнутъ, которымъ начальство подгоняетъ темныхъ и мало понимающихъ людей на совершеніе самыхъ гнусныхъ дѣлъ и стращаетъ ихъ муками ада, на томъ свѣтѣ, чтобы устроить себѣ рай на этомъ.

Начальство велитъ говорить попамъ то, что нужно начальству. Имъ отдаютъ приказы архіереи, а архіереямъ—митрополиты, а митрополитамъ—синодъ. А этотъ самый синодъ, отдавая такіе приказы, уже совсѣмъ безъ всякаго стыда и совѣсти еще именуетъ себя святѣйшимъ. Даже мученики христіанскіе не называли себя «святѣйшими», даже ихъ просто святыми называли вовсе не они сами, а другіе люди, видѣвшіе ихъ страданія за правду и истину. А святѣйшій синодъ вовсе ужъ не великомученикъ, тамъ сидятъ только жирныя да сытыя духовныя персоны, получающія огромное жалованіе. Ихъ то скопище и есть святѣйшій синодъ. Вотъ этотъ самый синодъ и старается особенно о томъ, чтобы въ русскомъ государствѣ было поменьше людей, понимающихъ все безобразіе, продѣлываемое отъ имени Іисуса Христа, который Самъ былъ распятъ римлянами по доносу еврейскихъ поповъ, какъ государственный преступникъ, будто бы объявившій себя царемъ іудейскимъ, то есть, выступившій противъ римскаго императора, владѣвшаго тогда Іудеей. Что же тутъ мудренаго, что и святѣйшій синодъ всячески благословляетъ и оправдываетъ казни, то есть казенное убійство нынѣшнихъ государственныхъ преступниковъ? И что мудренаго въ томъ, что святѣйшій синодъ старается затемнить души дѣтей и взрослыхъ и велитъ насиловать ихъ со-

вѣсть, и въ школахъ, и въ церквахъ, и въ духовныхъ проповѣдяхъ, и въ духовныхъ книжкахъ? И что мудренаго, что святѣйшій синодъ всячески приказываетъ священникамъ выискивать и доносить на людей, которые обличаютъ нынѣшнюю духовную неправду; что мудренаго еще, что такихъ людей духовенство называетъ еретиками и заточаетъ ихъ въ монастырскія тюрьмы? Вѣдь если много будетъ такихъ людей, то рушится вся неправда и обманъ духовенства, а коли онъ рушится, то рушится и поубавится сила свѣтскаго начальства, которое тоже нуждается въ елейныхъ словахъ духовенства для обѣленія своихъ черныхъ дѣлъ. И что мудренаго, наконецъ, что свѣтское начальство отдаетъ и всегда отдавало строжайшіе приказы полиціи и другимъ властямъ: «помогать духовенству въ преслѣдованіи разныхъ еретиковъ»? Значитъ, и выходило такъ, что духовенство съ помощью полиціи всячески топтало и загрязняло совѣсть человѣческую, совѣсть тѣхъ людей, которые не желаютъ признать правдой явную неправду нынѣшней духовной власти, и свѣтской, и государственной. Духовенство и по сей день это дѣлаетъ. Оно добивается, чтобы всѣ русскіе люди были совершенно согласны съ нимъ, духовенствомъ. Разными способами совѣсть насилуется въ дѣлахъ вѣры, а люди запугиваются, а правда-истина скрывается, а на ея мѣсто становится ложь. Кому же? Ужъ, разумѣется, не народу отъ этого какая польза? Однимъ только обманщикамъ, которые не могутъ держаться на народной спинѣ одной правдой. Поэтому мы, петербургскіе рабочіе, и писали въ нашемъ прошеніи о свободѣ совѣсти, то есть о томъ, чтобы никто и никогда не смѣлъ насиловать ее никакими способами; ни церковными, ни полицейскими.

Свобода совѣсти—это значитъ право каждаго человѣка исповѣдывать какую угодно вѣру по его собственному, а не по чужому, и не по казенному выбору, право совершенно свободно переходить изъ одной вѣры въ другую. Право

устраивать согласно своей вѣрѣ молельни и духовныя шествія, исповѣдывать свою вѣру (даже невѣріе), въ собраніяхъ, не подвергаясь за то никакимъ полицейскимъ или церковнымъ гоненіямъ. Пусть каждый человѣкъ отвѣчаетъ за свою вѣру, или за свое невѣріе, какъ и за свои мысли, передъ своей совѣстью. Это дѣло его личное, а другихъ оно не касается. Кромѣ того, страхъ дѣйствуетъ только на подлыя и трусливыя души, а смѣлая и правдивая душа никакому запугиванію не поддается: сколько ее ни запугивай, она все равно останется при своемъ. Словомъ сказать, духовныя дѣла, дѣла совѣсти должны быть неприкосновенны ни для какой власти.

* * *

Но и это еще не все. Духовныя власти вообще не должны мѣшаться въ свѣтскія дѣла, а свѣтскія власти не должны мѣшаться въ дѣла духовныя, и потому никакая вѣра не должна считаться государственной, то есть казенной вѣрой, одобренной властями, потому что вѣра есть дѣло совѣсти, а не дѣло казеннаго приказа или распоряженія. Поставить границу между свѣтской и духовной властью такъ, чтобы они ее не переступали, и называется отдѣлить церковь отъ государства. Такъ и заведено во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ. Только у насъ въ Россіи дѣло ведется не такъ. Возьмемъ, напримѣръ, январскія забастовки 1905 г. Мы, рабочіе, забастовали тогда потому, что больше не могли выносить нашу тяжелую жизнь. Правительство объявило насъ за это бунтовщиками, а полиція и солдаты, по приказу начальства, стали насъ «усмирять». А святѣйшій синодъ не посовѣстился ославить по всѣмъ улицамъ и церквамъ что мы «бунтуемъ на японскія и англійскія деньги»! Если бы эти деньги и въ правду были даны японцами, такъ ихъ тотчасъ бы прикарманили господа генералы, которые знаютъ, гдѣ раки зимуютъ, лучше насъ, рабочихъ. Это они во время

японской войны показали надъ русскими, то есть надъ нашими кровными денежками. Словомъ сказать, вышло такъ: въ борьбѣ съ нами, рабочими, фабрикантамъ помогли министры, полицейскіе и солдаты, а къ этимъ пришелъ на помощь святѣйшій синодъ, то есть митрополиты, которые стали насъ всячески чернить въ своихъ посланіяхъ, прикрываясь словами святого писанія и покрывая ими свою ложь. Они не постѣснялись запачкать себя этой ложью, вмѣшиваясь въ свѣтскія дѣла и ставши на сторону правительства и другихъ нашихъ обидчиковъ. А въ то же самое время министры вмѣшались въ дѣла духовныя: они разослали тайный приказъ по всѣмъ церквамъ всѣхъ деревень и городовъ и велѣли священникамъ, чтобы они проповѣдывали повсюду, будто мы, рабочіе, внутренніе враги, смутьяны, бунтовщики. Значитъ, власть государственная и власть церковная пошли такимъ образомъ рука объ руку противъ насъ, рабочихъ. Это насъ и обижаетъ и угнетаетъ и даже озлобляетъ. А кромѣ того намъ это ни къ чему, трудящемуся народу отъ этого пользы нѣтъ, только смута одна. Тоже можно сказать и о преслѣдованіяхъ за вѣру. Священники то и дѣло пишутъ доносы на тѣхъ русскихъ людей, которые кажутся имъ еретиками; по этимъ доносамъ является полиція и начинаетъ насаждать православіе и помогать Богу кулаками и кутузками, судомъ и ссылками. Разумѣется, такое дѣло развращаетъ и духовенство и народъ и всюду насаждаетъ притворство и лицемѣріе, ложь и фальшь въ дѣлахъ вѣры. Поэтому мы и требуемъ, чтобы церковныя власти не мѣшались въ свѣтскія дѣла, а свѣтскія власти не мѣшались въ дѣла церковныя и вообще духовныя. Пусть всѣ церковныя (духовныя) дѣла рѣшаютъ сообща сами вѣрующіе, коли они имъ близки и дороги, пусть они же и выбираютъ себѣ по совѣсти своихъ духовныхъ наставниковъ, пусть устраиваютъ особые съѣзды или соборы. Мы требуемъ полнаго отдѣленія церкви отъ государства.

* * *

Мы, рабочіе, не желаемъ жить въ омутѣ темноты и невѣжества,—мы желаемъ читать, мы желаемъ учиться, мы желаемъ знать и понимать все, что творится вокругъ насъ. Знаніе и пониманіе нужны намъ для того, чтобы улучшить нашу матерьяльную, духовную и общественную жизнь. Мы знаемъ, что грамотный и понимающій человѣкъ зарабатываетъ больше, чѣмъ неграмотный и не понимающій. Мы знаемъ, что бѣдность помѣшала многимъ изъ нашихъ товарищей учиться въ школахъ и добывать книги для чтенія. Мы знаемъ, что школы во многихъ губерніяхъ имѣются не вездѣ, а библіотеки и читальни встрѣчаются и того рѣже.

Въ газетахъ мы читали, что губернаторы напримѣръ Курской и Харьковской губерній запретили губернскимъ земствамъ давать по двѣсти тысячъ или по сто тысячъ рублей на устройство школъ, тогда какъ на полицію давать деньги губернаторы не запрещаютъ никогда. Мы, рабочіе, знаемъ, что открывать библіотеки и читальни не легко потому, что и этому дѣлу препятствуютъ тѣ-же губернаторы, которые далеко не всегда выдаютъ разрѣшеніе на открытіе читаленъ и библіотекъ. Словомъ сказать, школы и библіотеки встрѣчаются не во всѣхъ селахъ потому, что этому ставитъ помѣхи начальство. Оно же портитъ дѣло и внутри школъ и библіотекъ, мѣшаетъ ихъ плодотворной работѣ. Такъ, напримѣръ, учителя въ школахъ теперь не имѣютъ права учить насъ и нашихъ дѣтей очень многимъ наукамъ особенно же такимъ наукамъ, которыя объясняютъ правильно почему мы живемъ «въ омутѣ нищеты, безправія и темноты».

Напримѣръ, учителя въ школахъ не имѣютъ права разсказывать и объяснять намъ, сколько великихъ несправедливостей перенесъ на своей шеѣ русскій трудящійся народъ—крестьяне и рабочіе по винѣ помѣщиковъ, духовенства и царей. О царяхъ теперь можно говорить только хорошее, даже о самыхъ жестокихъ царяхъ, вродѣ, напримѣръ, Ивана

Грознаго, словно всѣ цари были самые лучшіе люди на землѣ, а не такіе, какъ всѣ прочіе. Учителю велятъ внушать дѣтямъ, что русскій народъ—самый лучшій народъ, а всѣ прочіе худы. Это на казенномъ языкѣ называется «патріотизмомъ», то есть любовью къ отечеству. За то учитель не имѣетъ права объяснить крестьянамъ, почему имъ живется такъ тяжело въ этомъ «самомъ лучшемъ отечествѣ», почему приходится круглымъ счетомъ на каждаго крестьянина меньше двухъ десятинъ земли, а на каждаго помѣщика больше 190 десятинъ. И о многомъ другомъ не имѣютъ права говорить учителя. Попробуй-ка они намъ сказать объ этомъ,—ихъ сейчасъ же прогонятъ съ мѣста, лишатъ навсегда учительскаго званія, и даже посадятъ въ тюрьму или сошлютъ. Начальство старается въ школахъ законопачивать и засорять головы дѣтей никому не нужною дребеденью, пустяками и мѣшаетъ школьному обученію, чтобы дѣти крестьянъ и рабочихъ «не очень-то поумнѣли». Такъ прямо и говорятъ иные священники. Да что священники! Сама императрица Екатерина Вторая писала когда-то: черни не должно давать образованія, поелику (потому что) коли черный народъ будетъ знать и понимать столько-же, сколько вы да я, то не станетъ намъ повиноваться въ такой мѣрѣ, какъ теперь». Вотъ какія удивительныя слова сказала императрица! Ужъ не для пользы-ли трудящагося народа они были сказаны? И не по слѣдамъ ли этой императрицы идутъ и другіе правители, наше нынѣшнее начальство, мѣшая нашему просвѣщенію? По нашему, такъ оно и есть. Черезъ школы начальство допускаетъ до насъ не настоящую науку, а науку куцую, урѣзанную. Для настоящей науки дороже всего истина, и для куцой науки важнѣе всего предписаніе начальства, а это начальство посредствомъ школы прежде всего старается народныхъ обидчиковъ всячески обѣлять, а трудящійся народъ всячески примирять съ его тяжелою жизнью, словно такая жизнь наказаніе Божіе, словно она—не преступленіе народныхъ обид-

чиковъ, усѣвшихся на народной спинѣ и присосавшихся къ ней.

* * *

Такъ начальство портитъ школы. Подобно этому оно портитъ и библіотеки и читальни. До 1905 года правительство не допускало въ народныя библіотеки и читальни такихъ книгъ, которыя считаются дозволенными для господъ; напримѣръ, считались запрещенными книгами для насъ, рабочихъ и крестьянъ, сочиненія всѣхъ русскихъ писателей, которые писали ихъ въ защиту трудящагося народа, описывали обиды и притѣсненія, которыя народъ терпитъ, и указывали способы борьбы съ этими обидами и притѣсненіями. Такъ, напримѣръ, считались запрещенными для народа сочиненія знаменитыхъ русскихъ писателей Некрасова, Гаршина, Бѣлинскаго, Успенскаго, Добролюбова и многихъ другихъ. А до насъ, рабочихъ тоже до самого послѣдняго времени не были допущены сочиненія знаменитаго нѣмецкаго ученаго Маркса, который всю свою жизнь работалъ на пользу рабочаго народа, изслѣдовалъ его житье-бытье, велъ его на борьбу за счастье и указывалъ способы, какими можно добиться этого счастья. Словомъ сказать, почти всѣ книги, напечатанныя на русскомъ языкѣ, за очень немногими исключеніями, считались запрещенными для насъ. И все это дѣлалось начальствомъ именно для того, чтобы среди насъ, рабочихъ и крестьянъ, было поменьше понимающихъ людей, и чтобы наука, свѣтъ, зн ніе не дошли до насъ ни путемъ школы, ни путемъ книги. Съ этой же цѣлью правительство до сихъ поръ почти вовсе не отпускаетъ казенныхъ денегъ на устройство земскихъ и фабрично-заводскихъ школъ и библіотекъ. А въ то же время ежегодно идетъ изъ казны больше 10 милліоновъ рублей на награды высокимъ чиновникамъ, которые и безъ того грѣютъ руки около той же казны. Казенныя, т. е. народныя, денежки расхищаются направо и налѣво,—только на образованіе на-

родное у казны никогда денегъ нѣтъ. И выходитъ въ концѣ концовъ, что правительство нисколько не помогаетъ и даже всячески мѣшаетъ намъ выходить изъ нашей темноты. Мы, разумѣется, понимаемъ ея великій вредъ, а потому и писали въ нашемъ прошеніи, что всему русскому народу, не только богатымъ, но и самымъ бѣднымъ, должна быть открыта совершенно свободная дорога къ свѣту, къ образованію. Всѣ русскіе люди должны сдѣлаться сколь возможно скорѣе не только грамотными, но и образованными. Это и значитъ, что образованіе должно быть всеобщимъ. Родители обязательно должны посылать своихъ дѣтей въ школу, а коли имъ мѣшаетъ бѣдность, они должны получать на сей случай пособіе отъ казны. Это и значитъ, образованіе должно быть обязательнымъ. Кромѣ того оно должно быть безплатнымъ. И безплатнымъ не только въ сельскихъ и городскихъ школахъ, но и въ гимназіяхъ, и въ университетахъ, и во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это необходимо для того, чтобы всякій способный человѣкъ, будь онъ рабочій или крестьянинъ, могъ сдѣлаться высокообразованнымъ человѣкомъ и послужить своими способностями, умомъ и знаніями на пользу всему трудящемуся народу и всѣмъ людямъ. Это и значитъ, что образованіе должно даваться на государственный, т. е. казенный, счетъ. Кромѣ того школьнымъ дѣломъ долженъ завѣдывать самъ народъ посредствомъ своихъ выборныхъ людей, а не чиновники и священники и вообще не тѣ люди, кто живетъ на рабочей спинѣ

* * *

Мы, товарищи, желаемъ жить по человѣчески. А чтобы такъ жить, разумѣется, нужно, чтобы никто не смѣлъ нарушать нашихъ человѣческихъ правъ, о которыхъ мы писали въ нашемъ прошеніи и которыя были разъяснены уже въ этой книжкѣ. Но вѣдь это легко сказать «не нарушать правъ». А какъ это сдѣлать, чтобы никто ихъ не нарушалъ?

На бумагѣ и въ законахъ мало-ли что хорошаго написано. У насъ, въ русскомъ государствѣ, какъ извѣстно, именно хорошіе то законы и не исполняются, а то и нарушаются всѣми властями всячески. Законы нарушаются и тайными приказами, и словесными распоряженіями, и разными иными способами. Какъ же это сдѣлать, чтобы никакой законъ никогда не могъ быть нарушенъ никакой властью. Для этого необходимо прежде всего, чтобы за сочинителями и за исполнителями закона былъ хорошій присмотръ. И это за всѣми властями начиная отъ городового и кончая министромъ, и не только сидящими на своихъ мѣстахъ по назначенію начальства, но и выборными. Всѣхъ ихъ необходимо въ рукахъ держать и требовать отчета во всѣхъ ихъ служебныхъ дѣлахъ. Но кто-же станетъ за ними присматривать? ужъ не они ли сами? Или ихъ начальство? Отъ такого присмотра, разумѣется, никакого толка и никакой пользы трудящемуся народу нѣтъ и быть не можетъ. Такой присмотръ уже много сотенъ лѣтъ заведенъ въ русскомъ государствѣ, только отъ него никогда пользы не было, а даже напротивъ былъ одинъ большой вредъ, потому что высшія власти всегда стоятъ на сторонѣ низшихъ властей и всячески прикрываютъ ихъ дѣла и дѣлишки. Вѣдь и сами онѣ продѣлываютъ то же самое и даже еще почище. Настоящій присмотръ за исполненіемъ законовъ всѣмивластями будетъ только тогда, когда за это дѣло возьмется самъ народъ въ лицѣ его выборныхъ представителей. А это можно устроить и устраивается такъ: Выборные отъ волостей должны присматривать за поведеніемъ начальства въ волостяхъ; выборные отъ уѣздовъ должны присматривать за поведеніемъ начальства въ уѣздахъ; губернскіе выборные должны присматривать за губернаторомъ и другимъ губернскимъ начальствомъ, а выборные отъ всего русскаго народа, всѣхъ губерній и областей должны съѣхаться въ столицу и присматривать за поведеніемъ и всѣми дѣлами министровъ и всѣхъ другихъ высшихъ властей. Эти всенародные выборные должны быть

выбираемы правильно, какъ объ этомъ уже было сказано въ этой книжкѣ. Выборные-то и должны смотрѣть за всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ начальство, а также за тѣмъ, куда идутъ казенныя, т. е. народныя денежки, ежегодно собираемыя казной со всего населенія въ количествѣ 2 тысячъ милліоновъ рублей. Но смотрѣть за начальствомъ—этого еще мало. Народные выборные должны имѣть еще право требовать отъ всѣхъ казенныхъ властей самаго подробнаго и точнаго отчета во всѣхъ ихъ дѣлахъ. И это еще не все. Казенныя власти должны держать отвѣтъ передъ народными выборными, коли тѣ сочтутъ нужнымъ потянутъ ихъ къ отвѣту. Иначе говоря, намъ рабочимъ, какъ и всему русскому народу, необходимо завести въ нашемъ русскомъ государствѣ отвѣтственность всѣхъ властей передъ народомъ, т. е. передъ выборными отъ народа. А сами выборные тоже должны быть отвѣтственны и кромѣ того должны выбираться на короткій срокъ: всего лишь на нѣсколько лѣтъ. Если они хороши будутъ—ихъ еще выберутъ; а не хороши,—выберутъ другихъ. Если не будетъ заведено такой отвѣтственности для всѣхъ властей, начальство всегда будетъ дѣлать съ нами рабочими, все, что ему вздумается: наши собранія закрывать, нашихъ депутатовъ сажать въ тюрьму, о нашемъ тяжеломъ житьѣ-бытьѣ запрещать писать въ газетахъ и придумывать для насъ безъ нашего согласія разные совершенно несправедливые законы и расхищать наши трудовыя денежки, взятыя изъ нашего кармана въ казну, расхищать безъ всякой пользы для рабочаго народа. Теперь начальство дѣйствуетъ во всемъ государствѣ безотчетно и безотвѣтно. Придумываніе новыхъ законовъ до сего времени тоже еще въ его рукахъ, исполненіе законовъ тоже, а мы, трудящійся народъ, только кланяйся или слушайся ихъ и благодари. Такое государственное устройство совершенно для насъ не выгодно и тяжело, кромѣ того оно совершенно несправедливо. Не народъ долженъ быть слугой начальства, а начальство должно быть слугой народа.

И никакому иному народу, какъ трудящемуся, т. е. намъ, рабочимъ и нашимъ братьямъ крестьянамъ, на которыхъ держится все русское государство. А кто кому служитъ, тотъ тому и долженъ давать отчетъ и держать передъ тѣмъ отвѣтъ.

А коли такъ, значитъ, всѣ власти должны быть отвѣтственны передъ народомъ. Потому мы, рабочіе, и требуемъ, чтобы въ русскомъ государствѣ была заведена отвѣтственность министровъ и всѣхъ другихъ властей передъ народомъ. И не только отвѣтственность, но и гарантія (т. е. обезпеченіе), законности правленія. Иначе сказать, необходимо, чтобы всѣ законы дѣйствительно исполнялись, и чтобы никакая власть, даже высшая изъ высшихъ, не смѣла ворочать законами по своему хотѣнію и усмотрѣнію,—старые законы отмѣнять, новые придумывать. Дѣлать это можетъ и долженъ самъ народъ, черезъ своихъ выборныхъ представителей. Еще необходимо, чтобы передъ закономъ всѣ были равны, какъ знатные, такъ и простые, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ ученые, такъ и неученые, потому что всѣ люди—такіе же люди. И всѣ русскія люди, живущіе въ русскомъ государствѣ, если они только не опорочены по суду, должны быть полноправными гражданами. Всѣ граждане должны также нести всѣ обязанности и повинности государственныя въ одинаковой степени. Никакія тяжести не должны лежать на однихъ, больше чѣмъ на другихъ. А коли должны быть одинаковыя у всѣхъ гражданъ обязанности, лежащія на нихъ, значитъ, должны быть одинаковы и гражданскія права. А въ настоящее время, какъ извѣстно, въ русскомъ государствѣ дѣло обстоитъ вовсе не такъ. Напримѣръ, у дворянъ гораздо больше разныхъ правъ, чѣмъ у крестьянъ, а обязанностей передъ государствомъ у дворянъ гораздо меньше, чѣмъ у крестьянъ. Дворяне и безъ того сильные своимъ богатствомъ, дѣлаются еще сильнѣе, благодаря покровительству законовъ. Значитъ при нынѣшнихъ порядкахъ съ крестьянъ

больше спрашивается, и имъ меньше дается, а дворянамъ какъ разъ наоборотъ. Дворянскому сословію отпускаются ежегодно многіе милліоны изъ казны, т. е. изъ народныхъ денегъ. Деньги, собранныя больше всего съ крестьянъ, выдаются дворянамъ, потому что дворяне считаются и выдаютъ себя за «опору трона». Правительство устраиваетъ особыя дворянскія кассы, дворянскіе пансіоны, дворянскіе банки. Въ этомъ банкѣ берется съ дворянъ по $3^1/_2{}^0/_0$, а въ это самое время крестьянскій банкъ беретъ съ крестьянъ $4^1/_2{}^0/_0$. Эта великая несправедливость должна быть теперь же уничтожена—отмѣнена. А когда это будетъ сдѣлано, тогда въ русскомъ государствѣ не будетъ никакихъ сословій,—ни дворянъ, ни крестьянъ, ни мѣщанъ, — всѣ будутъ просто-на-просто гражданами. Только тогда у всѣхъ гражданъ будутъ дѣйствительно равныя права, и равныя обязанности, то есть будетъ настоящее равенство всѣхъ передъ закономъ, всѣхъ безъ исключенія. Всѣ сословія и всѣ преимущества сословныя должны быть отмѣнены. И равенство всѣхъ передъ закономъ намъ нужно не бумажное, а настоящее не на словахъ, а на дѣлѣ. Безъ этого намъ никогда не выбиться изъ омута нищеты, безправія и темноты.

* * *

Въ настоящее время больше всего правъ дано въ россійскомъ государствѣ дворянамъ, а меньше всего правъ—крестьянамъ. Напримѣръ, нѣкоторыя казенныя должности могутъ занимать одни только дворяне. Они же свободно могутъ устраивать свои особыя, губернскія, уѣздныя дворянскія собранія и выбирать на нихъ своихъ предводителей дворянства, которымъ, какъ извѣстно, по закону дана большая власть въ уѣздахъ и губерніяхъ надъ всѣмъ крестьянскимъ населеніемъ. Но этого еще мало. Очень много силы у дворянъ въ земскихъ собраніяхъ, какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ. По закону земскія собранія должны вѣдать мѣст-

ныя хозяйственныя пользы и нужды. Въ каждомъ уѣздѣ, въ каждой губерніи живетъ больше всего крестьянъ. Въ земскихъ собраніяхъ должны засѣдать представители отъ мѣстнаго населенія. А чьихъ представителей больше всего въ этихъ собраніяхъ? Дворянскихъ. А дворянъ въ любомъ уѣздѣ въ нѣсколько сотъ и даже тысячъ разъ меньше, чѣмъ крестьянъ. Во многихъ уѣздахъ Россіи много фабрикъ и заводовъ съ большимъ числомъ рабочихъ. А имѣются-ли представители отъ насъ, фабрично-заводскихъ рабочихъ, въ земскихъ собраніяхъ? Нашихъ тамъ вовсе нѣтъ, потому что законъ не даетъ намъ такого права посылать нашихъ выборныхъ въ земскія собранія. Значитъ, главная сила и власть въ этихъ собраніяхъ находится въ настоящее время въ рукахъ дворянъ, помѣщиковъ. Можно-ли ожидать проку трудящемуся народу отъ такихъ земскихъ собраній, гдѣ вершатъ мѣстными дѣлами господа помѣщики, процвѣтающіе за крестьянскій счетъ? Разумѣется, имъ своя рубашка ближе къ тѣлу, чѣмъ крестьянская. Они знаютъ и понимаютъ, что своего брата-помѣщика нужно облагать земскими платежами поменьше, а крестьянина побольше, и о дворянскихъ нуждахъ заботиться какъ слѣдуетъ, а деньги на удовлетвореніе этихъ нуждъ съ мужичковъ собирать, благо законъ даетъ имъ на это право. Потому вездѣ и выходитъ, что рѣдко-рѣдко въ какой губерніи земскія собранія приносятъ крестьянамъ такую пользу, какую должны бы принести. Мало такихъ губерній, какъ, напримѣръ, Вятская, гдѣ дворянъ-помѣщиковъ очень мало. Правда есть представители отъ крестьянъ во всѣхъ земскихъ собраніяхъ, но кто они такіе? Обыкновенно это волостные старшины, которыхъ проводятъ въ земскіе гласные господа земскіе начальники: кого захотятъ, того проведутъ, а кто имъ не любъ, того не пропустятъ. А кто эти самые земскіе начальники? Это всѣмъ извѣстно. Въ большинствѣ случаевъ это мѣстные помѣщики, которымъ Императоръ Александръ III далъ огромную власть надъ крестьянами. Всѣмъ извѣстно,

что земскіе начальники сильно обижаютъ крестьянъ, помыкаютъ ими, какъ своими рабами, заставляютъ даже передъ собой шапку ломать, держатъ по недѣлямъ и даже по мѣсяцамъ въ кутузкахъ, перехватываютъ и распечатываютъ крестьянскія письма, мучаютъ штрафами, и даже бьютъ, и всюду и вездѣ соблюдаютъ свой собственный, помѣщичій интересъ. Это ихъ главное занятіе, чтобы крестьянъ подъ собой держать, а помѣщиковъ благодѣтельствовать. Разумѣется, такимъ господамъ земскимъ начальникамъ очень даже непріятны умственные крестьяне, заботящіеся о настоящей крестьянской пользѣ и человѣческой правдѣ и справедливости. Такихъ крестьянъ земскіе начальники всячески преслѣдуютъ и не даютъ имъ хода. Если случайно крестьяне выберутъ изъ такихъ людей своего представителя-гласнаго въ земское собраніе,—земскій начальникъ просто-напросто убираетъ его. А вотъ волостной старшина, который лебезитъ передъ начальствомъ, и подаетъ свой голосъ на земскомъ собраніи, по приказу земскаго начальника, такой волостной старшина очень даже любъ ему. Но какой прокъ крестьянству отъ того, что въ земскихъ собраніяхъ засѣдаютъ такіе представители отъ крестьянъ? Развѣ они тамъ стараются о крестьянскихъ пользахъ и нуждахъ? Не очень-то. Значитъ, въ земскихъ собраніяхъ при нынѣшнемъ ихъ устройствѣ можно сказать вовсе нѣтъ крестьянскихъ представителей, а есть только дворянскіе. Коли, случайно, найдутся въ какомъ нибудь уѣздѣ, среди дворянъ, люди хорошіе и честные, не совсѣмъ потерявшіе совѣсть, и не совсѣмъ забывшіе справедливость, тогда они хоть немножко заботятся о крестьянахъ. А не нашлись такіе, и плохо дѣло крестьянъ. Разумѣется, такое устройство земскихъ собраній очень даже невыгодно, ни крестьянамъ, ни намъ, фабрично-заводскимъ рабочимъ, а коли оно невыгодно, значитъ необходимо добиваться перемѣнъ въ этомъ устройствѣ. Тоже самое можно сказать и о городскихъ думахъ. Въ нихъ тоже по закону не находится

мѣста ни для крестьянъ, ни для насъ рабочихъ, а всѣми городскими дѣлами вершатъ господа богатые купцы, фабриканты, заводчики, и вообще состоятельные люди, обыкновенно, живущіе за народный счетъ. А вѣдь во многихъ большихъ городахъ городскія думы ведутъ большое хозяйство, держатъ рабочихъ. А что они для рабочихъ дѣлаютъ? Да то-же самое, что любой хозяинъ: стараются платить рабочимъ поменьше, а наживаться отъ нихъ побольше. И этимъ городскимъ порядкамъ надо положить предѣлъ. И для нихъ нужны большія перемѣны, какъ и для земскихъ порядковъ. Каковы же должны быть эти перемѣны? Самая главная перемѣна должна быть такова: гласные въ земскихъ собраніяхъ и въ городскихъ думахъ должны выбираться туда не одними богатыми людьми, а всѣмъ населеніемъ, какое живетъ въ такой-то мѣстности. Кто въ ней живетъ, тотъ и долженъ имѣть право выбирать въ земскія собранія и въ городскія думы, будь онъ хоть самый богатый фабрикантъ, или простой рабочій, не имѣющій ни кола, ни двора. Вѣдь для пользы населенія гораздо важнѣе душа человѣческая, а не денежный мѣшокъ. Когда гласныхъ будетъ выбирать самъ трудящійся народъ, по большинству голосовъ, тогда въ земскія собранія, и городскія думы войдутъ выборные представители и отъ крестьянъ и отъ рабочихъ. А такъ какъ крестьянъ и рабочихъ всюду гораздо больше, чѣмъ господъ, значитъ, они и будутъ вершить дѣлами въ своей округѣ, и, разумѣется, куда лучше позаботятся о всенародныхъ нуждахъ и пользахъ, чѣмъ какіе нибудь господа дворяне—помѣщики. Гласные отъ крестьянъ и рабочихъ для народа и хорошія школы заведутъ, и больницы выстроятъ, и богадѣльни, библіотеки и читальни. И о рабочихъ позаботятся, которые на городской и земской службѣ. И дешевыхъ и удобныхъ жилищъ понастроятъ для трудящагося люда, и дешевый кредитъ откроютъ деревенской и городской бѣднотѣ. И мало-ли что они могутъ сдѣлать, когда къ нимъ перейдетъ, завѣдываніе городскимъ и земскимъ

хозяйствомъ. И вотъ этого-то самаго перехода и нужно добиваться, потому что того требуетъ сама справедливость. Вѣдь никто не можетъ такъ позаботиться о крестьянахъ и рабочихъ, какъ они сами; и какъ можно лишать человѣка столь важнаго и неотъемлемаго права заботиться о самомъ себѣ? То же можно сказать и про общество, которое состоитъ изъ многихъ людей. Поэтому всякое общество должно имѣть право управляться само собой. Это и значитъ самоуправленіе. Мы, фабрично-заводскіе и всѣ другіе рабочіе должны добиваться самаго широкаго самоуправленія какъ городского, такъ и земскаго. Мы должны добиваться права участвовать въ этомъ самоуправленіи посредствомъ нашихъ выборныхъ, а этихъ выборныхъ выбирать отъ всего населенія, по большинству голосовъ.

* * *

Говорятъ, всѣ лишенія и страданія человѣческія—отъ Бога. Еще говорятъ: «Богъ-то Богъ, да и самъ будь не плохъ». Вотъ, размышляя, о нашей жизни, мы, петербургскіе рабочіе, яснѣе яснаго поняли, что почти всѣ наши страданія мы терпимъ совершенно зря, и напрасно. Ихъ могло и не быть, если-бъ насъ нарочно не держали въ омутѣ нищеты, безправія и темноты. Насъ такъ дѣйствительно держатъ,—держатъ искусственными способами, при помощи разныхъ обмановъ, ухищреній, принужденій и насилій, несправедливыхъ порядковъ и такихъ же законовъ. Какъ это дѣлается,—объ этомъ и было разсказано въ этой книжкѣ. Эти самые русскіе порядки, по нашему,—безпорядки. Эти самые законы,—по нашему,—беззаконіе, потомучтоидутъ противъ всякой божеской, и даже человѣческой справедливости. Въ нашихъ страданіяхъ виноватъ не Богъ, а люди, тѣ самые люди, которымъ такъ сытно и богато живется на нашей спинѣ, за нашъ счетъ. Долгое время мы не понимали этой простой и ясной истины, а теперь, наконецъ, поняли, и рѣ-

шили: что устроено людьми, то можетъ и должно быть ими же передѣлано.

Но съ чего же начать? И это для насъ стало теперь очень даже ясно. Вѣдь въ этой книжкѣ уже было разсказано, что покуда на дорогѣ къ нашему счастью стоитъ не одинъ, такъ другой несправедливый законъ. Насчетъ аренды земли у помѣщиковъ—есть законъ; насчетъ найма на сельскія работы—законъ; насчетъ расцѣнки фабрично-заводскаго труда и рабочихъ часовъ—законъ; насчетъ налоговъ—тоже; выкупныхъ платежей и таможенныхъ пошлинъ—тоже; насчетъ необузданной полиціи, судовъ, войскъ, насчетъ вѣры и школьнаго ученія и всего прочаго тоже есть свои особые законы, которыми-то и дѣло тычутъ намъ въ носъ наши обидчики, требуя отъ насъ уваженія и почитанія всякаго закона, какой онъ тамъ ни на есть несправедливый. Говорятъ, безъ законовъ никакое государство существовать не можетъ. Вѣрно. Но вѣдь оно не можетъ существовать и тогда, когда законы-то въ немъ несправедливые и невыгодные для трудящагося народа. А вотъ въ этомъ-то самая суть дѣла. Это и нужно понять и оцѣнить какъ слѣдуетъ.

Много ли такихъ законовъ, которымъ мы повинуемся не за страхъ, а за совѣсть? Не очень то много. Гораздо больше такихъ, которые мы исполняемъ изъ боязни вооруженнаго нападенія на насъ разныхъ государственныхъ казенныхъ властей: полицейскихъ и судейскихъ, земскихъ начальниковъ, губернаторовъ, и всѣхъ прочихъ. Развѣ легко не убоятся бѣдному простому человѣку такой плотной и могучей силищи? А вѣдь что такое эта самая силища?—Это и есть государственная власть. Говорятъ, это и есть законъ. А по нашему, это просто-напросто здоровенный кулакъ, который выставляютъ противъ трудящагося народа его всегдашніе обидчики: не послушаетесь меня, то я, молъ, вотъ какъ васъ!

Говорятъ у кого въ рукахъ законъ—у того и сила. А по

нашему выходитъ какъ разъ наоборотъ: у кого въ рукахъ сила, у того теперь въ рукахъ и законъ. Эта самая сила и есть законъ.

Но это еще что. Особенно плохо для насъ то, что въ настоящее время законы всецѣло находятся въ рукахъ нашихъ обидчиковъ, а не въ нашихъ собственныхъ. Великое слово законъ. Но и для него должна быть своя особая мѣрка. Вѣдь законъ закону рознь. О каждомъ законѣ надо подумать, да подумать, во-первыхъ, справедливъ онъ или несправедливъ, а во-вторыхъ кому онъ выгоденъ, а кому невыгоденъ. Значитъ, справедливость, и народная польза, и выгода — это и есть настоящія мѣрки закона.

Мы желаемъ такихъ законовъ, которые охраняли бы весь трудящійся народъ отъ всякихъ обидъ и притѣсненій. Это и значитъ законодательная охрана труда. Ночная работа женщинъ и дѣтей должна быть воспрещена закономъ; рабочій день долженъ быть уменьшенъ до 8 часовъ по закону. Страхованіе рабочихъ должно быть сдѣлано обязательнымъ по закону. Но это еще не все.

Законы въ государствѣ тоже, что правила внутренняго распорядка на фабрикахъ и заводахъ.

Для насъ рабочихъ очень невыгодно, если заводскія правила пишутся безъ нашего согласія. Точно также намъ невыгодно, когда въ нашемъ государствѣ законы сочиняются людьми не знающими нашего житья-бытья и думающими только о своей собственной выгодѣ. А вѣдь, какъ уже было сказано, очень многіе русскіе законы совсѣмъ несправедливы и невыгодны для насъ рабочихъ. Таковъ, напримѣръ, законъ 1897 года о продолжительности рабочаго дня. По этому закону мы обязаны работать десять и 11 съ половиной часовъ, а не восемь часовъ ежедневно, какъ это слѣдовало бы по справедливости. Есть еще невыгодный для насъ законъ о нашихъ забастовкахъ, о которомъ уже шла рѣчь въ этой книжкѣ, и такихъ несправедливыхъ и невыгодныхъ для насъ законовъ очень много въ русскомъ государствѣ. На осно-

ваніи этихъ законовъ заводчики и чиновники и другіе наши обидчики имѣютъ полное право насъ притѣснять, а мы, рабочіе, обязаны имъ повиноваться, все выносить, все терпѣть, и неимѣемъ права добиваться своей собственной выгоды и справедливости. А почему такъ? Очень просто почему. Всѣ законы русскаго государства до сего времени пишутся для насъ сановниками-чиновниками и утверждаются царемъ совсѣмъ безъ нашего согласія. Напримѣръ, законъ о фабричной одиннадцатичасовой работѣ сочинили для насъ министры и другіе царевы чиновники. Насъ, рабочихъ, они не спрашивали и даже и не думали спрашивать, какой законъ для насъ написать. А вотъ нашихъ хозяевъ, нашихъ обидчиковъ, фабрикантовъ и заводчиковъ объ этомъ законѣ господа министры и высокіе чиновники спрашивали. Кромѣ того среди этихъ самыхъ высокихъ сановниковъ тоже есть фабриканты и заводчики, и помѣщики, и для нихъ, разумѣется, ихъ рубашка ближе къ тѣлу, чѣмъ наша. И такимъ самымъ способомъ сочинялись и сочиняются до сего времени для насъ, рабочихъ, всѣ русскіе законы. Такимъ же несправедливымъ и невыгоднымъ способомъ накладываются на насъ налоги, словно и это дѣло насъ вовсе не касается. Такимъ же самымъ способомъ безотчетно расходуются правительствомъ, то есть господами крупными и даже мелкими чиновниками, ежегодно 2000 милліоновъ рублей, собираемыхъ казною съ народа, словно это деньги не государственныя и не народныя, а чиновничьи. Никто даже и не думаетъ давать намъ отчетъ, куда идутъ наши трудовыя деньги, попавшія въ казну, на томъ, молъ, основаніи, что закона такого еще не написано, чтобы въ нихъ намъ отчетъ давать. И правда, до 1905 года не было такого закона, потому что всѣ законы писались тѣми самыми людьми, которые около собранныхъ съ насъ денегъ свои руки грѣютъ, и къ тому же безъ нашего спроса и согласія. Такимъ самымъ способомъ каждый день и каждый часъ творились и творятся надъ нами разныя несправедливости и

обиды, и все это дѣлалось и дѣлается во имя законовъ, подписанныхъ царемъ. Такихъ несправедливыхъ порядковъ нѣтъ ни въ одномъ государствѣ кромѣ Персіи, Турціи, Китая да Россіи. Какой же намъ прокъ отъ этихъ порядковъ? Развѣ они справедливы и для насъ выгодны, и какъ намъ не жить при нихъ въ нищетѣ? Это лучше всего видно на примѣрѣ закона о Государственной Думѣ. Всѣмъ извѣстно, что эта Дума должна составиться изъ «народныхъ выборныхъ представителей» и должна обсуждать разные законы,

Въ 1905 году, испугавшись всенароднаго мятежа, царь велѣлъ написать такой законъ о Государственной Думѣ, который и былъ объявленъ 6 Августа. Но кто его писалъ? министръ внутреннихъ дѣлъ Булыгинъ, важный сановникъ и чиновникъ, который всю свою жизнь просидѣлъ въ разныхъ канцеляріяхъ да департаментахъ. Такой сочинитель законовъ всю свою жизнь только то и дѣлалъ, что поддакивалъ своему начальству и исполнялъ то, что оно ему приказывало. Ему никакого дѣла нѣтъ и не было ни до какой справедливости. ни до какой народной пользы. Новый законъ, сочиненный Булыгинымъ, читали да обсуждали тоже не мы, рабочіе, а такіе же чиновники и иныя знатныя персоны не лучше ихъ. Поэтому, заранѣе можно было сказать, какой пирогъ испекутъ для народа эти самые господа. Испекли они такой пирогъ, который не намъ бы кушать. Онъ только для самихъ его сочинителей хорошъ. И правда, по новому Булыгинскому закону Государственная Дума должна составляться изъ «выборныхъ представителей». Но какихъ выборныхъ? Кто долженъ, по этому закону, ихъ выбирать и какъ выбирать? И кому дано право быть выборнымъ? Право выбирать и быть выбраннымъ новый законъ о Государственной Думѣ далъ почти однимъ богачамъ. Насъ, фабрично-заводскихъ рабочихъ, не имѣющихъ ни кола, ни двора, и живущихъ лишь трудами рукъ своихъ, господинъ Булыгинъ и его единомышленники вовсе не соблаговолили допустить въ Государственную Думу. А для

нашихъ братій, деревенскихъ крестьянъ, сочинители новаго закона придумали такую фильтру-цѣдилку, черезъ которую могутъ войти въ Государственную Думу только такіе мужички-кулачки, которые пріятны господамъ земскимъ начальникамъ и иному чиновному начальству,—міроѣды и плуты, грѣющіе около начальства свои грязныя руки. Разумѣется, отъ такой Государственной Думы не можетъ быть никакого прока трудящему народу, ни крестьянамъ, ни намъ фабрично-заводскимъ рабочимъ. Государственная Дума, въ которой будутъ засѣдать и законодательствовать господа-богачи, разумѣется будетъ полезна и выгодна только для господъ богатыхъ, по правилу «сытый голоднаго не разумѣетъ» и «своя рубашка ближе къ тѣлу». Нѣтъ, намъ, рабочимъ, какъ и крестьянамъ, нужна такая Государственная Дума, которая выбрана всѣмъ народомъ, всѣми гражданами Россійскаго государства, и богатыми и бѣдными, и знатными и простыми безъ различія званій и состояній и племенъ и вѣроисповѣданій, кому народъ захочетъ довѣрить защиту своихъ интересовъ, пусть того и выбираетъ и къ тому же совершенно свободно безъ всякихъ указокъ и стѣснѣній. Какихъ людей больше въ государствѣ, пусть будетъ такихъ больше и въ Государственной Думѣ. А въ государствѣ больше всего крестьянъ и рабочихъ. Значитъ и Государственная Дума должна быть составлена прежде всего изъ нихъ. А для этого справедливаго устройства Государственной Думы всякій человѣкъ, коли онъ русскій гражданинъ, долженъ получить право не только выбирать, кого онъ хочетъ, но и быть избраннымъ въ народные представители. Словомъ сказать, представителей Государственной Думы долженъ выбирать весь народъ. Всякому русскому человѣку должно быть предоставлено это избирательное право. Это право должно быть всеобщимъ, то есть, ни одинъ русскій гражданинъ не долженъ быть лишенъ его безъ суда. Это право должно быть равнымъ, то есть всякій гражданинъ долженъ пользоваться одинаковымъ голосомъ, такъ чтобы у лю-

дей знатныхъ и богатыхъ тоже было только по одному голосу, совершенно, какъ у людей бѣдныхъ т. е. у всѣхъ голосовъ должна быть совершенно равная сила. Кромѣ того, бѣдный человѣкъ совершенно также, какъ и богатый, долженъ имѣть одинаковое право и другихъ выбирать и самому быть выбраннымъ. А для того, чтобы народными представителями могли быть и люди бѣдные, необходимо давать имъ отъ казны небольшое вознагражденіе, чтобы они могли ради общественныхъ дѣлъ оторваться отъ своихъ обычныхъ трудовъ. Но и это еще не все. Для пользы трудящагося народа избирательное право должно быть, кромѣ того прямымъ, а не двухъ, не трехъ, и не четырехъстепеннымъ. Вѣдь одно дѣло выбирать прямо въ Государственную Думу, и совсѣмъ другое дѣло выбирать не самихъ представителей, а особыхъ выборщиковъ, которые и выберутъ этихъ представителей. А господинъ министръ Булыгинъ придумалъ для крестьянъ даже не такіе двухстепенные выборы, а выборы четырехъстепенные. При этихъ выборахъ сельскіе сходы посылаютъ своего представителя на волостной сходъ отъ каждаго изъ десяти дворовъ, а волостные сходы выбираютъ особыхъ выборщиковъ, а тѣ опять выбираютъ какихъ то выборщиковъ, и только эти третьи выборщики участвуютъ, наконецъ, въ выборахъ въ народные представители въ Государственную Думу. При такомъ устройствѣ выборовъ крестьянинъ, разумѣется, вовсе не можетъ знать, какой такой человѣкъ отъ его имени съ его голосомъ войдетъ въ Государственную Думу въ видѣ представителя отъ такой то губерніи. Кто нибудь да войдетъ, а кто—неизвѣстно. Что же это за представитель? И кого онъ будетъ собой представлять? Разумѣется даже двухъстепенные, а не только четырехъстепенные выборы совершенно не выгодны для трудящагося народа. При нихъ могутъ быть большія затрудненія, подкупы, насилія властей. Для его блага необходимы выборы прямые; только при такихъ выборахъ народные представители, выбранные большинствомъ голосовъ всеобщимъ и равнымъ голосова-

ніемъ, будутъ дѣйствительно представителями народными. Но и это еще не все. Подача голосовъ при выборахъ не должна быть открытой, а напротивъ должна быть закрытой. Это необходимо для того, чтобы люди богатые и сильные не понуждали людей бѣдныхъ и слабыхъ писать на избирательныхъ запискахъ такія имена, которыя пріятны этимъ самымъ богачамъ. Пусть каждый избиратель пишетъ на запискѣ кого только онъ хочетъ. Никому другому дѣла нѣтъ, кого онъ тамъ написалъ. Написалъ, свернулъ записку—и положилъ въ ящикъ, не боясь, что ему отъ кого-нибудь попадетъ (отъ хозяевъ или отъ начальства) за то, что онъ не то имя написалъ, которое имъ угодно. Только это и нужно для подсчета голосовъ. Это и значитъ избирательное право тайное или закрытое. Такое устройство выборовъ не только полезно, но и необходимо для блага трудящагося народа. Безъ этого народъ не сможетъ выбирать совершенно свободно. А безъ свободы, что за выборы? Поэтому, мы, рабочіе, и писали въ нашемъ прошеніи, что законы для русскаго государства долженъ писать и утверждать самъ народъ, весь народъ въ лицѣ его представителей, выбранныхъ на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Только законы, составленные и утвержденные такими представителями, будутъ дѣйствительно справедливы и выгодны для трудящагося народа. При такомъ устройствѣ Государственной Думы иного и быть не можетъ, потому что самъ народъ лучше всѣхъ другихъ знаетъ, что ему полезно, и что вредно. А вотъ такихъ то самыхъ всенародныхъ представителей и не захотѣлъ допустить въ Думу господинъ Булыгинъ. Онъ позаботился только о богачахъ, и вышла изъ его Государственной Думы просто-напросто никуда негодная шумиха, отъ которой русскому народу никакого проку не было бы да и быть не могло. Поэтому вскорѣ послѣ 6 Августа понадобилось уже снова передѣлывать только что придуманный законъ о Государственной Думѣ и расширять ея куцыя права. Это и было

сдѣлано въ манифестѣ 17 Октября. Въ этомъ манифестѣ было написано много хорошихъ словъ. Напримѣръ, по закону 6 Августа народные представители, засѣдающіе въ Государственной Думѣ, вовсе не имѣли права новыхъ законовъ сочинять и утверждать: имъ было дано лишь право только обсуждать законы, сочиненные чиновниками, да давать этимъ чиновникамъ-сановникамъ и министрамъ разные благіе совѣты, чтобы тѣ бросили ихъ, коли они имъ не понадобятся, подъ столъ. А по манифесту 17 Октября Государственная Дума получила право не только обсуждать, но даже и сочинять и одобрять законы. Въ этомъ манифестѣ сказано: «На обязанность правительства возлагается установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы». Какъ будто бы и хорошо сказано. Но стоитъ немножко подумать надъ этими словами манифеста, и тогда станетъ яснымъ, что въ немъ есть большая недоговорка: эти слова манифеста означаютъ, только то что изъ этого самаго одобренія Думы можетъ не быть еще никакой пользы для трудящагося народа. Вѣдь вся суть въ томъ, нужно ли кромѣ одобренія Думы, еще одобреніе царя? Если нужно, то можетъ случиться такъ: Дума одобрила такой-то законъ, а царь не одобрилъ; народу этотъ законъ полезенъ, выгоденъ, пріятенъ, а царю онъ почему-нибудь не нравится. Вотъ безъ одобренія царя этотъ законъ и не сдѣлается закономъ. И такимъ способомъ царь сможетъ останавливать своей властью всякіе законы, полезные и выгодные для трудящагося народа, особенно если о такой остановкѣ будутъ стараться разные богатые, властные или родовитые люди, имѣющіе доступъ къ царю. А народу что тогда дѣлать? Значитъ, для пользы трудящагося народа, необходимо, чтобы всякій законъ получалъ силу закона съ одобренія только одной Думы. Но это еще не все. Хорошее обѣщаніе можно писать иной разъ на бумагѣ,—вѣдь извѣстно, что бумага все терпитъ. Одно дѣло написать и совсѣмъ другое исполнять, то

что написано. Одно дѣло держать въ своихъ рукахъ законъ и власть, пользуясь ими для своей выгоды, и совсѣмъ другое дѣло поступиться этой самой своей властью и выгодой на пользу всему трудящемуся народу. За сладкій и сытный кусокъ всякій дармоѣдъ крѣпко держится, а особенно тотъ, кто къ этому привыкъ отъ самаго своего рожденія. Такъ и вышло съ манифестомъ 17 октября. Что на немъ было написано, то и осталось только на бумагѣ. Поэтому во всѣ времена, у всѣхъ народовъ было такъ: самые сытные куски даромъ не отдавались изъ цѣпкихъ и хищныхъ рукъ, а вырывались силкомъ,—не по доброй волѣ, а съ бою. А чтобы ихъ вырвать, сила нужна. И необходимо для этого, чтобы сила была на сторонѣ народа. Коли не будетъ этой самой силы, такъ даже самые лучшіе законы всегда останутся только на бумагѣ и всѣ они будутъ для трудящагося народа вовсе ни къ чему.

Значитъ выходитъ такъ:

1) Трудящемуся народу необходимо самому взяться за сочиненіе и утвержденіе законовъ.

2) А для этого необходимо высшее государственное учрежденіе, Государственная Дума, которая имѣла бы право сочинять, обсуждать и утверждать всѣ безъ исключенія законы, въ томъ числѣ и законы о налогахъ и платежахъ.

Для того, чтобы законъ становился закономъ, необходимо сдѣлать такъ: для этого должно быть достаточно утвержденія одной Думы и никакого другого утвержденія не должно быть нужно.

3) Государственная Дума должна быть составлена изъ выборныхъ представителей отъ всего народа, безъ различія званій, состояній, сословій, племенъ, вѣроисповѣданій и даже пола, а не только отъ людей богатыхъ.

Въ Государственной Думѣ должны засѣдать больше всего представители отъ крестьянъ и рабочихъ, потому что изъ нихъ состоитъ почти все населеніе.

4) А для того, чтобы въ Государственную Думу вошли представители дѣйствительно отъ всего народа, необходимо чтобы они выбирались на основаніи всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ закрытой (тайной) подачей голосовъ.

Вотъ такая то Государственная Дума и должна быть самой высшей властью въ государствѣ. Выше нея не должно быть никакой другой. И въ рукахъ такой дѣйствительно всенародной Государственной Думы и должны находиться и государственная казна и войско, и полиція, и всѣ другія власти и учрежденія. И засѣдать эта Дума должна на глазахъ у всѣхъ, не тайно, чтобы всякій гражданинъ Россійской Имперіи, буде пожелаетъ, могъ пойти и послушать, что дѣлается на засѣданіяхъ, такъ чтобы вся работа велась гласно, открыто и чтобы во всѣхъ газетахъ печатались о нихъ отчеты, и весь народъ могъ смотрѣть на своихъ представителей и видѣть своими глазами, и слышалъ своими ушами, что они дѣлаютъ и что говорятъ. Когда у насъ въ Россіи будетъ устроена такая Государственная Дума, тогда русскій трудящійся народъ дѣйствительно будетъ настоящимъ хозяиномъ въ своей собственной странѣ, а не рабомъ и не крѣпостнымъ, не ломовой лошадью, и дойной коровой для людей богатыхъ, сильныхъ и властныхъ. Тогда онъ со всѣми ими справится. Словомъ сказать, для пользы всего трудящагося народа вся государственная власть должна находиться только въ рукахъ самого народа, а когда это будетъ, тогда трудящійся народъ самъ отмѣнитъ своимъ собственнымъ рѣшеніемъ всѣ такіе законы, которые для него не выгодны. Тогда онъ сможетъ завести въ своемъ государствѣ другіе справедливые законы, которые оградятъ его отъ обидъ и притѣсненій разныхъ насильниковъ.

Онъ зорко будетъ смотрѣть, куда идутъ деньги, собранныя съ народа. И объявлять войну и заключать миръ будетъ самъ народъ. При такомъ порядкѣ уже навѣрное не было

бы кровопролитій и ненужной позорной войны съ японцами. И казеннымъ ворамъ было бы при этихъ порядкахъ воровать не такъ то повадно.

Воровство и грабежъ казеннаго добра бываетъ во всѣхъ странахъ. Но случись онъ, напримѣръ, во Франціи, какъ это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, о немъ французскія газеты закричали бы на весь свѣтъ, а суды французовъ жестоко осудили бы воровъ. А тотъ же самый грабежъ у насъ—и газетамъ запрещаютъ писать о немъ. Воровъ покрываютъ другіе воры, дѣло затихаетъ, словно и не было никакого воровства. Это видно на примѣрахъ многихъ хищеній во время японской войны и другихъ.

Всѣ министры и даже самъ глава государства, хоть выборный, хоть наслѣдственный, будутъ тогда отвѣтственны передъ народомъ и будутъ вправду слугами народа, а не самовольцами.

А теперь законъ есть ничто иное, какъ особый способъ держать стомилліонный народъ въ рукахъ небольшой шайки народныхъ обидчиковъ и давить его въ ихъ пользу.

Значитъ вотъ съ чего долженъ начинать трудящійся народъ, коли онъ желаетъ выбиться изъ омута нищеты, безправія и темноты. Народъ долженъ прежде всего добиться всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права и воспользоваться имъ для того, чтобы взять въ свои руки государственную власть въ своей родной странѣ.

* * *

Но добившись всеобщаго избирательнаго права, слѣдуетъ ли сейчасъ же приниматься за созывъ Государственной Думы? Нѣтъ съ этого начинать еще нельзя. Вѣдь, чтобы устроить Государственную Думу необходимо сначала составить законъ объ этой самой Думѣ. Правда, въ настоящее время уже имѣется такой законъ, сочиненный Булыгинымъ, но, какъ уже было сказано, этотъ законъ совсѣмъ плохъ, потому что

невыгоденъ для трудящагося народа. Значитъ для устройства Государственной Думы необходимо сочинить другой законъ, настоящій и правильный. Сама Дума не можетъ сочинять законъ для самой себя. Значитъ нужно устроить дѣло какъ нибудь иначе. А какъ устроить? Самый простой выходъ—это устроить еще раньше Государственной Думы особое всенародное собраніе изъ особыхъ народныхъ представителей. Этихъ представителей народъ долженъ выбрать на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Всѣ города, губерніи, уѣзды и волости должны прислать ихъ сколь возможно скорѣе въ столицу. Такъ составится собраніе или соборъ выборныхъ людей отъ всей русской земли и отъ крестьянъ, и отъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, и отъ всѣхъ другихъ гражданъ. На такое народное собраніе должно быть возложено нѣсколько очень важныхъ дѣлъ. Во-первыхъ, оно должно учредить справедливые порядки во всемъ русскомъ государствѣ. Потому то такое собраніе и называется Учредительнымъ. Въ его рукахъ должна быть сосредоточена во все время его существованія и законодательная, и исполнительная, и судебная власть. Только одно Учредительное собраніе и можетъ представлять настоящую волю народа. И не только волю народа, но и власто его. А что можетъ быть въ государствѣ выше, какъ не нае родная воля и не народная власть? Разумѣется, ничего выше нѣтъ и быть не можетъ. А потому такое Учредительно-собраніе, по всей правдѣ и справедливости, имѣетъ правь просматривать и передѣлывать всѣ, рѣшительно всѣ законы, какіе только есть въ русскомъ государствѣ,—значитъ, и основные законы Россійской Имперіи. Основными законами называются такіе законы, въ которыхъ говорится о правахъ и преимуществахъ государя императора и всего царствующаго дома. Учредительное собраніе необходимо должно пересмотрѣть и эти законы. Уже давно настала пора для этого. Не пересмотрѣвши основныхъ законовъ, совершенно невоз-

можно положить предѣлъ самовольству и самоуправству властей, всѣхъ самыхъ крупныхъ и самыхъ мелкихъ самодержавцевъ. И вотъ почему: вѣдь мелкія власти потому и самовольничаютъ надъ народомъ, что имъ дана такая власть отъ ихъ начальства. А этому начальству дана власть отъ его начальства, а тому отъ министровъ, а министрамъ отъ самодержавнаго царя. Значитъ источникъ всякой власти, при нынѣшнемъ устройствѣ государства, никто иной, какъ царь. Онъ и волю властямъ даетъ, онъ же ставитъ предѣлы этой волѣ. Онъ же и отмѣняетъ эти предѣлы и даетъ властямъ право нарушать ихъ. При такомъ устройствѣ государства, разумѣется, власти могутъ не отвѣчать за свои дѣла, будь дѣла эти даже очень вредны для трудящагося народа; то есть у кого ужъ есть большая власть, тотъ при этомъ устройствѣ, разумѣется, будетъ злоупотреблять ею,—то есть пользоваться во зло трудящемуся народу. И особенно будутъ страдать отъ такой власти люди бѣдные и слабые. А людямъ сильнымъ и богатымъ она только на руку. Значитъ, пересмотрѣть и передѣлать основные законы Россійской Имперіи необходимо для пользы людей бѣдныхъ и слабыхъ, которымъ живется теперь особенно тяжело. И это необходимо сдѣлать неотложно, потому что дальше ужъ нельзя жить такъ, какъ мы жили до сихъ поръ. Вѣдь русское государство находится на краю гибели, на краю великаго разоренія. Крестьяне вѣдь страдаютъ отъ малоземелья и голодовки, а фабрично-заводскіе рабочіе отъ безработицы. Весь русскій народъ страдаетъ отъ безправія и невѣжества и отъ тяжелыхъ послѣдствій только что окончившейся неудачной и несправедливой войны. Въ городахъ и въ деревняхъ, и на фабрикахъ льется русская кровь, кровь рабочаго народа. Въ 150 городахъ русской земли, не считая деревень и селъ, полицейскія и другія власти не постѣснялись устроить даже кровавые погромы и избіенія подвластныхъ имъ людей, подданныхъ русскаго государства, мирныхъ жителей, которые

чѣмъ нибудь не одобряли дѣйствія этихъ властей и боролись противъ ихъ самоуправства. Народъ пересталъ довѣрять правительству. Правительство послало противъ народа солдатъ и приказало христолюбивому войску стрѣлять, рубить и крошить своего брата русскаго человѣка подобно тому, какъ это воинство пробовало было крошить японцевъ. Смута и кровопролитіе растутъ съ каждымъ днемъ. Казна наканунѣ банкротства, податей никто не платитъ. До какихъ же поръ будутъ продолжаться бѣдствія и ужасы? Надо же имъ положить конецъ. Но кто же это можетъ сдѣлать? Ужъ не чиновники-ли, которые писали для насъ законы до сего времени? Ужъ не министры ли, которые подносили ихъ на царское утвержденіе? Много сотенъ лѣтъ сановники-чиновники, министры и прочіе,—занимаются такимъ дѣломъ, да только отъ ихъ трудовъ праведныхъ не вышло никакого проку для трудящагося народа. Нынѣшнее правительство — тѣ же чиновники. Среди нихъ очень много богачей, родовитыхъ дворянъ, помѣщиковъ, капиталистовъ, желѣзнодорожниковъ, банкировъ, фабрикантовъ и заводчиковъ. Великіе князья—тоже богачи, помѣщики; у нихъ есть и заводы и, фабрики въ удѣльномъ вѣдомствѣ. Быть можетъ, они помогутъ трудящемуся народу? Но вѣдь отъ помѣщиковъ, фабрикантовъ, заводчиковъ больше всего и страдаетъ трудящійся народъ. Такъ можно ли надѣяться, что они откажутся въ его пользу отъ своихъ богатствъ и власти? По нашему, коли они до сихъ поръ настоящаго дѣла не сдѣлали за цѣлыхъ триста лѣтъ, такъ и никогда не сдѣлаютъ. Значитъ нечего дольше терпѣть и ждать разныхъ благъ народу отъ нихъ. Не пора ли поискать какихъ либо другихъ людей, болѣе надежныхъ, добросовѣстныхъ, опытныхъ и безкорыстныхъ. Потому мы, петербургскіе рабочіе, и думаемъ, что всего больше пользы для трудящагося народа могутъ принести выборные представители, избираемые изъ всѣхъ русскихъ гражданъ, на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого

и тайнаго избирательнаго права, составившіе изъ себя Всероссійское Учредительное Собраніе для выработки основныхъ законовъ Россійской Имперіи, въ томъ числѣ настоящаго закона о Государственной Думѣ. Оно и учредитъ правильный порядокъ въ нашей странѣ, новый строй государства Россійскаго. Только оно и можетъ успокоить народъ, потому что оно и сможетъ удовлетворить всѣ народныя нужды. Безъ Учредительнаго Собранія спокойствія никогда не будетъ. Такъ чего же медлить? Вѣдь не сегодня, такъ завтра побѣда останется за трудящимся народомъ. Безъ довѣрія народнаго, на однихъ штыкахъ, полицейскихъ кулакахъ и казацкихъ нагайкахъ никакая государственная власть долго держаться не можетъ. Самъ народъ долженъ всѣми своими силами приниматься за устройство своего собственнаго счастья.

А потому мы и требуемъ для счастья трудящагося народа прежде всего Всероссійскаго Учредительнаго Собранія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ этой книжкѣ было разсказано о томъ, что было написано въ нашемъ прошеніи, которое мы, петербургскіе рабочіе, пробовали было подавать 9-го января 1905 года. Въ этомъ прошеніи мы писали о самыхъ неотложныхъ нашихъ нуждахъ. Мы писали о томъ, каковы эти нужды и каковы способы, которыми можно придти къ намъ на помощь и извлечь насъ изъ омута нищеты, безправія и темноты. Во имя правды-справедливости, во имя любви христіанской и во имя пользы государства мы всячески доказывали, что облегчить наше тяжкое положеніе не только должно, но и можно.

Спрашивается теперь, что же вышло изъ нашего прошенія? Всѣмъ извѣстно, какъ оно было принято. Вмѣсто всякаго отвѣта намъ, былъ отданъ войскамъ приказъ стрѣлять въ насъ, безоружныхъ, въ нашихъ женъ и дѣтей, и стариковъ. Очень много изъ насъ были убиты христолюбивымъ воинствомъ, а еще больше народу было изранено и искалѣчено. И совершилось великое и страшное дѣло. Не только были убиты люди, но и довѣріе людей къ высшему правительству и къ верховной власти, и къ казенной правдѣ и справедливости. Были убиты и наши мечты и надежды на то, что кто-то со стороны, изъ какихъ то высокихъ мѣстъ, можетъ и захочетъ помогать намъ и облегчать наши страданія. Мы все вѣрили, все надѣялись, что есть на свѣтѣ кто-то такой, кто о насъ думаетъ и заботится. Но раздались страшные выстрѣлы—и все рухнуло. И совершился 9 января 1905

года великій переломъ—переворотъ въ нашей душѣ. Мы поняли, что сверху намъ никто не поможетъ, если мы сами себѣ не поможемъ—мы петербургскіе рабочіе, и всѣ честные русскіе люди, истинные и искренніе наши друзья, которые идутъ биться и умирать за наше правое дѣло, не жалѣя своего благополучія, своего счастья и даже своей жизни. Только на такихъ друзей мы, и можемъ разсчитывать. Только съ ними мы и можемъ бороться рука объ руку съ нашимъ общимъ врагомъ. И мы поняли вмѣстѣ съ ними 9-го января, что для улучшенія нашей тяжелой жизни не прошенія и жалобы нужны, а рѣшительная и упорная борьба. И только такой борьбой можетъ трудящійся, народъ отстоять свои собственныя права и выбиться изъ омута нищеты, безправія и темноты. Потому и сказано,—что только въ борьбѣ мы обрѣтаемъ наши права.

И наше рѣшеніе было закрѣплено разъ навсегда нашей безвинной и напрасно пролитой рабочей кровью. Да, наша кровь пролилась, но вѣдь наша правда попрежнему осталась правдой. А неправда нашихъ обидчиковъ сдѣлалась еще подлѣе, еще гнуснѣе. Теперь мы еще громче прежняго, еще настойчивѣе требуемъ, чтобы неотложно было исполнено все то, о чемъ мы писали въ нашемъ прошеніи 9-го января 1905 года и о чемъ разсказано въ этой книжкѣ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ".

Л. Шишко. Разсказы изъ русской исторіи. Въ 2-хъ ч. ц. 22 к. (распрод.).

О налогахъ. Ц. 3 к. (распрод.).

Мироновъ. Солдатскій подвигъ. Ц. 3 к. (распрод.).

Какъ смотрятъ с.-д. и с.-р. на крестьянство и земельный вопросъ. Ц. 3 к. (распрод.)

Протоколы учред. съѣзда Всеросс. Крестьянскаго Союза. Ц. 10 к.

Новоторжскій. Что такое правовое государство. Ц. 10 к.

В. Черновъ. Памяти Н. К. Михайловскаго. Ц. 25 к.

С. Швецовъ. Крестьянская община. Ц. 5 к.

А. Макаровъ. Наши предшественники. (Перед. изъ брош. «Наши задачи»). Ц. 8 к.

по *Беллами.* Черезъ сто лѣтъ. Ц. 25 к.

А. Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. Подъ ред. и съ примѣч. *Л. Шишко.* Ц. 50 к.

Справочный листокъ, полезный для крестьянъ. № 1. Ц. 2 к

Справочный листокъ, полезный для крестьянъ. № 2. Ц. 3 к

Справочный листокъ, полезный для крестьянъ. № 3. Ц. 4 к.

Справочный листокъ, полезный для крестьянъ. № 4. Ц. 4 к.

Ужасные дни въ Москвѣ. Съ рис. Ц. 8 к.

Статистическій справочникъ. Вып. I. Ц. 25 к.

Некрасовъ. Неотложныя нужды трудящагося народа. Ц. 15 к.

Войничъ. Оводъ. Сокращ. Орѣховой. Ц. 20 к.

А. Н. Какъ можетъ быть рѣшенъ земельный вопросъ. Ц. 8 к.

Слѣдуетъ-ли переселяться. Ц. 1 к.

На Байкалѣ. Разсказъ. Ц. 1 к.

Кельмень. Откуда берется прибыль и какъ создается богатство. Ц. 5 к.